А. А. ЛЕОНТЬЕВ

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОЛИВАНОВ И ЕГО ВКЛАД В ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
ПО ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А.А.ЛЕОНТЬЕВ

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОЛИВАНОВ И ЕГО ВКЛАД В ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

Впервые в советском языкознании в работе рассматриваются общеязыковедческие взгляды Е. Д. Поливанова (1891—1938) и его вклад в советское общее языкознание. Дается очерк научной биографии Е. Д. Поливанова, рассматриваются вопросы, связанные с методикой описания разносистемных языков, излагаются взгляды Поливанова, касающиеся лингвистической поэтики, а также природы и функций человеческого языка. Уделено внимание лингвистическим вопросам описания языка для целей обучения.

Редакционная коллегия:

член-корреспондент АН СССР
В. Н. ЯРЦЕВА (ответственный редактор),
доктора филологических наук
М. М. ГУХМАН, С. Д. КАЦНЕЛЬСОН,
В. П. НЕРОЗНАК (ответственный секретарь),
А. А. УФИМЦЕВА

Л $\frac{4602000000\text{-}408}{042\ (02)\text{-}83}$ 346-83-IV

© Издательство «Наука», 1983 г.

ВВЕДЕНИЕ

Вклад Евгения Дмитриевича Поливанова (1891—1938) в советскую и мировую лингвистическую науку — даже если ограничиться пределами теории языкознания — настолько огромен, что поддается описанию и оценке только частично, в главных чертах. Нет сомнения, что это был талантливейший и самобытнейший ученый-мыслитель. Поливанов не только обладал прекрасной лингвистической школой и владел неизмеримо большим языковым материалом; но — что главное — он умел поставить и решить на этом материале фундаментальные общетеоретические проблемы, увидеть в самом, казалось бы, конкретном факте действие глубинных языковых и психологических закономерностей и вскрыть эти закономерности. Это, кстати, весьма затрудняет задачу автора, стремящегося дать характеристику его общеязыковедческим взглядам: многие из идей Е. Д. Поливанова приходится буквально по крупицам выискивать и собирать по всему его печатному и рукописному наследию, обнаруживая их в самых неожиданных текстах и контекстах.

Вторая, не меньшая трудность состоит в том, что множество произведений Поливанова, в том числе и общеязыковедческих, остается пока в рукописях и требует для своего анализа специальной, порой даже текстологической работы. И уж совсем невозможно опереться на достижения «поливановедения» — хотя о Е. Д. Поливанове за последние 20 лет написано немало, но в этой литературе, за вычетом двух-трех статей, отсутствует сколько-нибудь полная его характеристика как общего языковеда.

И третья трудность, связанная с особенностями личной и научной биографии Поливанова. Он отнюдь не был кабинетным ученым: и в частности, та часть его научной продукции, которая приходится на конец 20-х—начало 30-х годов, проникнута духом явной и скрытой полемики, а иногда прямой и бескомпромиссной борьбы против экспансии «нового учения о языке». Многое у Полива-

нова можно правильно понять и оценить лишь с учетом всех сложностей и особенностей того периода, когда он жил и работал.

Первую статью о нем, снабженную и библиографией его трудов, опубликовал Вяч. Вс. Иванов. За этой статьей последовал ряд публикаций: «Словарь лингвистических терминов», вернее отрывки из него (В. П. Григорьев), книга «Опыт частной методики преподавания русского языка» (Е. Ф. Ваганов), «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники» (А. А. Леонтьев). Резко вырос интерес к наследию Поливанова после посвященной ему межвузовской конференции в Самарканде, состоявшейся в 1964 г. Но, конечно, самым важным событием был выход в свет книги «Статьи по общему языкознанию» (1968), снабженной подробной вступительной статьей, значительно дополненным списком работ Поливанова (включая рукописи) и детальнейшими комментариями. Этому событию предшествовала огромная работа по выявлению отдельных фактов его биографии, поиску рукописей и т. д. И тем, что в наших руках сейчас находится уникальная информация о Поливанове и уникальное собрание его неизданных работ (в оригиналах и копиях), мы обязаны очень и очень многим людям. Попытаемся назвать хотя бы некоторые имена: Ф. Д. Ашнин, А. А. Брудный, В. П. Григорьев, Н. П. Архангельский, М. П. Изосимова, Л. И. Ройзензон, А. Д. Хаютин, Б. С. Зинин, М. С. Кардашев, В. А. Каверин, В. Б. Шкловский, А. А. Холодович, В. А. Лившиц, Р. Якобсон, Н. И. Конрад... После выхода в свет русского издания книга была переведена на английский язык (в издательстве «Мутон», Голландия). Вышел и сборник работ Поливанова на японском языке.

В последующие годы продолжалось выявление и публикация поливановских работ. Подготовлен к печати еще один том избранных статей Е. Д. Поливанова, пока, однако, не изданный. Будем надеяться, что выход настоящей книги явится новым стимулом к публикации и изучению научного наследия Поливанова.

Не без робости автор приступает к созданию научного портрета Евгения Дмитриевича Поливанова. Во-первых, сжившись с его образом в результате двадцатилетней работы над его рукописями и любя его как ученого и человека, сильнее всего боишься не суметь передать читателю этот внутренний образ, особенно — не суметь раскрыть ту цельность, принципиальность, коммунистическую идей-

ность и убежденность, которые были так характерны для Поливанова во все периоды его жизни. Во-вторых, надо было бы быть по эрудиции вторым Поливановым, чтобы суметь выделить и оценить полностью его вклад в лингвистическую теорию, — напомним, однако, что его эрудиция не имела равной даже среди его современников.

И все же попытаться все это сделать необходимо, и автору остается только заранее просить у читателей снисхождения к его труду.

Конечно, дать всесторонний анализ общелингвистического наследия Е. Д. Поливанова на страницах небольшой книги невозможно. Пришлось выбрать лишь отдельные проблемы, как нам казалось, наиболее острые в свете современных тенденций общего языкознания. Этот выбор не мог не быть субъективным, но другого пути у нас не было.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ Е. Д. ПОЛИВАНОВА И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ[1]

Евгений Дмитриевич Поливанов родился в Смоленске 28 февраля 1891 г. Его отец, Дмитрий Михайлович, происходил из дворян Костромской губернии; он восемь лет был на военной службе, и, дослужившись до поручика, вышел почему-то в отставку всего лишь в 25 лет. Затем три года был дежурным чиновником в Публичной библиотеке, а остаток жизни — он умер уже после революции — прослужил на железной дороге в должности ревизора движения, так и не поднявшись выше титулярного советника. Мать Евгения, Екатерина Яковлевна, была женщиной замечательной — известной журналисткой и переводчицей, другом известного историка Н. И. Кареева и не менее известного педагога В. П. Вахтерова. В 1901 г. Евгений поступил в Рижскую Александровскую гимназию. В 1908 г. он ее заканчивает с серебряной медалью и поступает в Петербургский университет. Наверное, именно с поступлением Евгения в университет связан переезд Поливановых в Петербург. Итак, словесное отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета... Представим себе, что за атмосфера была в те годы в университете.

Перед нами «Обозрение преподавания наук в имп. С.-Петербургском университете на 1909—1910 учебный год». Классическую филологию читают Ф. Ф. Зелинский, М. И. Ростовцев, С. А. Жебелев, А. И. Малеин, И. И. Толстой; сравнительное языкознание и санскрит: заслуженный профессор И. А. Бодуэн де Куртенэ, С. К. Булич, Ф. И. Щербатской, Л. В. Щерба; русскую словесность:

---

[1] В данной главе мы в основном опираемся на факты биографии Е. Д. Поливанова, подробно изложенные в [42], с некоторыми дополнениями. Ссылки на архивные источники, процитированные в указанном издании в тексте и сносках, не даются; отсылка дается лишь при цитировании вновь открытых документов.

И. А. Шляпкин, А. А. Шахматов, Н. М. Каринский, В. В. Сиповский, С. А. Венгеров; славянскую филологию: П. А. Лавров, А. И. Яцимирский; историю: А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Кареев, Б. А. Тураев, П. К. Коковцов, Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов, В. Н. Строев; романо-германскую философию: Д. К. Петров, В. Ф. Шишмарев. В более поздние годы прибавляются Д. Н. Овсянико-Куликовский, В. М. Истрин, М. Р. Фасмер...

Какое созвездие знаменитых имен!

«...Студенты ходили по коридору, одетые в зеленые диагоналевые штаны, рубашки, тужурки... Студенты ходили в университетском коридоре, считая, что именно здесь с криком решаются все планы будущего. Шумели. Бастовали. Спорили. Стояли в очередях. Решали научные вопросы.

Учились и в аудиториях...». Это мемуары В. Б. Шкловского.

Поливанов слушал Зелинского и Платонова, Шахматова и Щербу, китаиста В. М. Алексеева и литературоведа В. В. Сиповского — многих замечательных ученых. Но Евгений Дмитриевич с самого начала выделил среди них одного и остался его учеником до конца дней своих. Это был Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, вступивший в то время в седьмое десятилетие своей жизни. «Со второго курса мое мировоззрение обусловлено всестороннейшим на меня влиянием моего учителя Бодуэна де Куртенэ — по убеждениям интернационалиста-радикала», — писал Поливанов четверть века спустя.

Соученик Поливанова по университету проф. И. И. Умняков рассказывает в своих рукописных воспоминаниях: «В... университете шли студенческие сходки, митинги. К университету были стянуты конные казаки, а внутрь университета была введена полиция. И вот приходит на очередную лекцию И. А. Бодуэн и заявляет нам, студентам, что пока этот «гарнир» находится в стенах «храма науки», он читать лекции не может и предлагает нам, если мы желаем, продолжать слушать лекции у него на квартире, что мы и делали...» [107].

По окончании университета (1912) Е. Д. Поливанов получил сразу два приглашения остаться в университете, как мы сейчас сказали бы, в аспирантуре: от литературоведа И. А. Шляпкина и от Бодуэна. Поливанов выбрал бодуэновскую кафедру сравнительного языкознания.

Параллельно с занятиями в университете Е. Д. Поливанов учился в Практической восточной академии, за-

кончив ее по японскому разряду (в 1911 г.). Интересно, что он не пошел на восточный факультет университета; видимо, для него важнее была именно общелингвистическая школа, которую он мог получить скорее всего на историко-филологическом факультете. (Научно-лингвистическое изучение языков никогда не было сильной стороной восточного факультета). Конечно, лекции на восточном факультете Поливанов также посещал; но больше всего он получил у Бодуэна и Л. В. Щербы, называвшего Поливанова «мой гениальный ученик». В частности, он регулярно посещал семинары и практические занятия по экспериментальной фонетике; С. И. Бернштейн вспоминал о нем как о блестящем фонетисте, легко разбиравшемся в сложнейших инструментальных записях речи.

Вообще Поливанов — представитель особого направления в русской, а затем советской ориенталистике: он, как и Н. И. Конрад, соединял в себе филолога и лингвиста-теоретика.

В представлении Бодуэна факультету по поводу оставления Поливанова при кафедре говорится, что Поливанов, «правда, не известен в ученой литературе, но отличается обширными познаниями в области избранной им специальности и смежных с ней областях».

Два года Поливанов интенсивно работает над магистерской диссертацией. Годы эти были очень трудными, но в то же время плодотворными. Ему приходилось преподавать в гимназии, читать лекции для заработка, в частности — введение в языкознание на Женских педагогических курсах новых языков (впоследствии эти лекции вышли в свет двумя изданиями). Одновременно он занимается восточными языками (он числился не только по кафедре И. А. Бодуэна, но и по кафедре тибетского языка восточного факультета и занимался, как писал он В. П. Вахтерову, тибетским языком «на положении студента старшего курса»). Один за другим следуют научные доклады — в лингвистической секции Неофилологического общества, в Русско-японском обществе, в Восточном отделении Археологического общества. Н. Н. Поппе вспоминал: «По сравнению с лекциями многих знаменитых ученых лекции Поливанова были очень интересными. Студенты внимательно слушали его лекции по нескольку часов подряд, забывая о том, что наступает вечер. Когда он выступал на лингвистическом кружке университета или на заседаниях Восточного отделения Археологического общества, всегда было много слушателей. Он был

не только очень образованным ученым, но и прекрасно говорил» [45].

И вот сданы магистерские экзамены и защищена диссертация. В 1914 г. Поливанов становится приват-доцентом восточного факультета по японскому языку, хотя читает курсы и по китайскому. Переписка Поливанова, впрочем, свидетельствует, что и доцентом он хотел быть по кафедре Бодуэна, но в конце 1913 г. Бодуэн был изгнан из университета.

До начала 20-х годов основные публикации Е. Д. Поливанова были посвящены японскому языку и в частности японским диалектам. Он трижды побывал в Японии (в 1914, 1915 и 1916), где занимался полевыми исследованиями. Он посетил также Корею (1916) и Китай.

Сохранились и опубликованы на японском языке дневники известного японского лингвиста Сакума Канаэ, относящиеся к первой поездке Поливанова в Японию [45]. В них подробно описывается работа Поливанова с информантами — представителями различных диалектов — над экспериментально-фонетическим исследованием японского ударения. Другой японский лингвист, Мураяма Ситиро, рассказывает в той же книге о посещении Е. Д. Поливановым деревни Миэ, а также о своей собственной «контрольной» поездке в Миэ через 60 лет; Ситиро застал в живых некоторых информантов, помнящих «Поривсан».

Известно, что в Японии выходили работы Поливанова, они публиковались еще до 1916 г., но нам пока неизвестны. Позже его статьи неоднократно переводились, а в 1976 г. в Токио опубликован довольно большой том, в котором собрано множество японоведческих статей Е. Д. Поливанова [45]. По сведениям переводчика и составителя этого тома М. Ситиро, готовится к изданию и перевод «Введения в языкознание для востоковедных вузов».

К японским экспедициям Е. Д. Поливанова относится много мифов, передающихся из уст в уста. Так, рассказывают, что он собирал диалектный материал, сидя в одежде нищего на ступеньках синтоистского храма и слушая разговоры проходивших мимо прихожан (в этом рассказе, по-видимому, верно только то, что у Поливанова была фотографическая память).

Поливанов не только не опровергал мифы, создававшиеся о нем, но, насколько нам известно, даже сам их выдумывал. Вообще он любил мистификации разного

рода. Особенно много рассказов ходило (и ходит) об обстоятельствах, при которых он потерял левую руку (точнее, кисть и половину предплечья левой руки). На самом деле произошло это (по сведениям двоюродной сестры Поливанова В. М. Пушкаревой, сообщенным нам С. М. Яковлевым) в результате несчастного случая при посадке в поезд и уже после окончания университета и смерти Е. Я. Поливановой, т. е. между 1913 и 1914 гг.

Наиболее интересный период биографии Е. Д. Поливанова начинается с 1917 г. Он позже вспоминал: «Я встретил революцию как революцию труда. Я приветствовал именно свободный любимый труд, который для меня стал рисоваться полезным именно в революционной обстановке».

Уже в период между Февралем и Октябрем Поливанов активно сотрудничает с большевиками, в частности печатается в горьковской легальной «Новой жизни», а при выборах в Учредительное собрание голосует по списку большевиков. В ноябре—декабре 1917 г. он был не только одним из главных борцов с саботажем чиновников бывшего Министерства иностранных дел (Поливанов с сентября работал в нем заведующим отделом печати), но по существу именно ему принадлежит заслуга находки, расшифровки, перевода и публикации тайных договоров царского правительства. При создании Наркоминдела Поливанов вскоре стал заведующим восточным отделом и «уполномоченным народного комиссара по иностранным делам», т. е. заместителем наркома по Востоку. Согласно одному из документов, он также в конце 1917 г. был в Петрограде председателем советской делегации по перемирию с Германией.

И. И. Умняков работал в этот период в Полпредстве РСФСР в Бухаре и помнит поступавшие туда телеграммы за подписью Поливанова, в частности — телеграмму с требованием публичного признания власти Совета Народных Комиссаров. «Позднее, когда Е. Д. работал в Ташкенте, он иногда в канун годовщины Октября выступал со своими воспоминаниями об Октябрьской революции в Петрограде и о его работе в Наркоминделе» [107].

Работа Поливанова в Наркоминделе кончилась в феврале 1918 г. Однако в те же месяцы ему поручается ответственнейшее дело — руководство политработой среди китайских рабочих (их в те годы было в Петрограде до 300 тыс.). В 1918 г. он был одним из организаторов «Союза китайских рабочих». Поливанов был редактором

первой китайской коммунистической газеты, был связан с китайским Советом рабочих депутатов.

В 1919—1921 гг. Поливанов работал в политотделе Балтфлота и в политотделе 9-й армии. В 1919 г. его принимают в члены РКП(б).

В том же 1919 г. Поливанов избран профессором факультета общественных наук Петроградского университета (приват-доцентом он стал еще в 1915 г. — по восточному факультету). По воспоминаниям Н. Н. Поппе, его встретила в штыки старая профессура, отчасти связанная еще с Министерством иностранных дел и смотревшая на Поливанова как на человека, изменившего кастовой солидарности. Может быть, это сыграло определенную роль в том, что в 1921 г. Е. Д. Поливанов переехал в Москву, где стал помощником заведующего Дальневосточной секцией Коминтерна и одновременно преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Осенью того же года (в августе) Коминтерн посылает его в командировку в Ташкент. Для окружающих Поливанов просто был направлен в Восточный институт (т. е. на восточный факультет САГУ), где и начал преподавать. Он занял также место заместителя председателя Научного совета Наркомпроса Туркестанской АССР.

Командировка эта, по-видимому, предполагалась как непродолжительная, но в Ташкенте Поливанов провел целых пять лет. Как позже он писал в анкетах, это было связано с болезнью жены (жена Поливанова, Бригитта Альфредовна Поливанова-Нирк, по национальности эстонка, прошла с ним — начиная с первых послереволюционных лет — всю его многотрудную жизнь), но в 1922—1923 гг., по воспоминаниям Н. П. Архангельского, сам Поливанов пережил тяжелое заболевание, оторвавшее его от всякой деятельности на несколько месяцев. Вернувшись к работе, Е. Д. Поливанов сразу же начал переписку с Москвой и Ленинградом о своем возвращении — сохранились, в частности, его письма Н. Я. Марру об этом. Затем, во время одной из поездок по Туркестану, он вновь тяжело заболел — воспалением легких (1925), и только в 1926 г. возвращение в Москву осуществилось.

О научных занятиях Поливанова в Туркестане подробно написано в [42]. Здесь он показал себя тюркологом самого высшего класса: описал множество диалектов и говоров узбекского и других тюркских языков, а также таджикского; активно включился в дискуссию о диалектной базе узбекского литературного языка, на-

стаивая на том, что в его основу должен лечь иранизованный (несингармонистический) диалект Ташкента, Самарканда и Ферганы. Он участвовал в создании ряда новых алфавитов для языков народов СССР (а с 1928 г. был членом Научного Совета Всесоюзного Центрального Комитета Нового тюркского алфавита, или ВЦКНТА). Он участвовал также в лингвистической переписи населения и в национальном размежевании Туркестана; создавал вместе с другими лингвистами и педагогами учебники, программы и другие учебные материалы. Наконец, он читал лекции и вел занятия в Восточном институте и на историческом факультете САГУ. «Такую большую аудиторию... в то время собирал еще только акад. В. В. Бартольд...» «Читал он лекции увлекательно, не пользуясь ни конспектами, ни карточками с цитатами...» (из воспоминаний слушателей). Характерно, что он читал в числе других и курс китайского языка. Параллельно Поливанов очень много занимался научной работой — как в области тюркологии, так и в области общего языкознания. В эти годы он особенно интенсивно разрабатывал вопросы теории эволюции языка.

В 1926 г. Поливанов был вызван в Москву руководителем РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук) академиком В. М. Фриче — как впоследствии писалось, он «был выдвинут на руководящую лингвистическую работу в РАНИОН в противовес представителям „Московской фортунатовской школы“». Поливанов сразу стал действительным членом лингвистической секции Института языка и мышления, профессором Московского института востоковедения (МИВ; в издании этого института вышли известные грамматики китайского и японского языков), руководителем секции родных языков Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), действительным членом Института народов Востока, членом бюро лингвистического раздела Института языка и литературы, а затем (с 1927 г.) — председателем лингвистической секции РАНИОНа. Он делает, по собственному признанию, до четырех докладов в месяц, читает лекции студентам и аспирантам и т. п. И уже в это время, в 1926—1927 гг., намечается научный конфликт Е. Д. Поливанова с Н. Я. Марром и его окружением — нам еще придется остановиться в дальнейшем на научной позиции Поливанова в дискуссии с марристами.

Не вдаваясь в описание всех событий, связанных с этим

конфликтом (см. об этом [42, 20—27]), укажем лишь, что они завершились освобождением Поливанова от занимаемых им ответственных постов и его отъездом в Самарканд (1929). Однако годы пребывания в Москве, несомненно, были для Поливанова самыми плодотворными, и именно к этим годам относятся все его основные общелингвистические публикации, возглавляемые «Введением в языкознание для востоковедных вузов» — существовал, по всей вероятности, и второй том этой книги, но он не попал в печать и был утерян (на то, что он дошел хотя бы до стадии корректуры, указывают сноски на него — с указанием страниц! — в работах Поливанова этого времени). Другая значительная публикация — книга «За марксистское языкознание» — непосредственно связана с антимарристской полемикой. В 1929 г. обстановка усложнилась настолько, что Поливанов, воспользовавшись приглашением Наркомпроса Узбекистана, переехал в Самарканд и стал профессором сектора лингвистики Узбекского государственного научно-исследовательского института (со второй половины 1930 г. этот институт находился в Ташкенте, а в 1931 г. из него выделился Узбекский научно-исследовательский институт культурного строительства), где он и работал до 1934 г., когда был вынужден из-за разногласий с руководством этого института по ряду принципиальных вопросов переехать во Фрунзе. Но за эти пять лет он проделал поистине грандиозную работу — см. [42].

Во Фрунзе, в Киргизском институте культурного строительства (позже — Киргизский институт языка и письменности), интересы Е. Д. Поливанова, кроме тюркологии, включали в себя дунгановедение; к сожалению, лишь малая часть его дунгановедческих работ попала в печать. К 1936 г., когда «марристские» страсти поостыли, положение Поливанова начало укрепляться, его работы пошли в печать (из письма Н. П. Архангельскому от марта 1936 г.: «... получил извещение, что в Ак. наук приняты к изданию все посланные мною туда работы» [53].

Научное наследие Поливанова огромно. Даже если говорить пока только об изданных работах, одних книг (включая брошюры) он успел опубликовать 28, а всего число работ, изданных при его жизни, достигает 140 (это не считая не обнаруженных пока зарубежных публикаций, мелких заметок, видимо, также не известных нам газетных статей и т. п.).

Из чего это наследие складывается?

Основное место в нем занимают две темы: японоведение и тюркология. Самая первая публикация Поливанова посвящена японскому языку; самая последняя — китайскому. Вклад Поливанова в японоведение огромен: «игнорируя Поливанова, невозможно написать историю акцентологии и диалектологии японского языка» [45]. Из его публикаций в этой области наиболее значительны: «Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков» [1], «Музыкальное ударение в говоре Токио» [2], «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами» [5], «Грамматика японского разговорного языка», написанная совместно с О. В. Плетнером [25], статья «Японский язык» в 1-м издании БСЭ [31], «Историко-фонетический очерк японского консонантизма» [29]. Уже после смерти Поливанова было, в частности, опубликовано «Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка» [37]. Этот словарь Поливанов составлял начиная с середины 20-х годов, но до конца работу так и не довел. Осталась в рукописи «Краткая фонетика японского языка».

Упомянем в связи с японским о занятиях Поливанова айнским, рюкюским и малайско-полинезийскими языками. Он был пионером научного исследования всех этих языков в нашей стране. Особенно интересны его работы, вернее, сохранившиеся фрагменты, по айнскому языку.

Публикации Поливанова по китайскому языку начинаются с 1916 г. Из них назовем «О метрическом характере китайского стихосложения» [42], «Краткую фонетическую характеристику китайского языка» [15], «Пособие по китайской транскрипции» [19], написанную совместно с А. И. Ивановым «Грамматику современного китайского языка» [24]. И здесь он оставил ряд основополагающих идей (см. главу 3) и множество учеников и последователей.

Нет лингвиста, который бы внес больший вклад, чем Поливанов, в исследование дунганского языка. При жизни он опубликовал только (совместно с Ю. Яншансином) две части школьного учебника по дунганскому языку и четыре небольших статьи в сборнике «Вопросы орфографии дунганского языка». Но в рукописи осталось огромное количество материала, в том числе фундаментальная рукопись «Главнейшие особенности дунганского языка» [48].

Тюркологические работы Е. Д. Поливанова по объему преобладают. Из них основные связаны с узбекским языком: в их числе можно назвать «Введение в изучение узбекского языка» в трех выпусках [10], «Краткую грамматику узбекского языка» [12], «Краткий русско-узбекский словарь» [13], «Этнографическую характеристику узбеков» [14], «Русскую грамматику в сопоставлении с узбекским языком» [33], «Узбекскую диалектологию и узбекский литературный язык» [34], «Материалы по грамматике узбекского языка» [35].

Среди тюркологических публикаций Поливанова есть также работы по татарскому [8], казахскому, каракалпакскому [32] языкам, а также по древнетюркскому и сравнительной грамматике тюркских языков. В рукописи осталась работа по азербайджанскому языку.

Серия работ Поливанова посвящена корейскому языку и его связям с алтайским — [3], [30], [42].

Из прочих языков, в той или иной мере исследованных Е. Д. Поливановым, назовем славянские, арабский [9], грузинский [11], таджикский — эти его работы остались в основном в рукописи, албанский [26], абхазский, эрзя-мордовский (в рукописи), даже ассирийский [21].

Особое место в наследии Е. Д. Поливанова занимают теоретические работы по методике преподавания языков и практические учебники. На первом месте здесь стоит, конечно, «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам» [40], вернее его первая часть; вторая была также написана. Ср. в уже цитированном письме Н. П. Архангельскому (март 1936): «М. б. Вы осведомлены о судьбе II части моего „Опыта частной методики преподавания русского языка узбекам“? Сия рукопись посылалась (УзГИЗ'ом) на рецензию в Ваш институт (Н. И. институт Педагогики). Каковы результаты?» [53]. Кроме того, Поливанову принадлежит ряд статей, в частности [17] и [22].

Огромное число публикаций Поливанова посвящено языковому строительству и вопросам разработки письменностей для языков народов СССР. Наконец, серия статей посвящена русскому литературному языку советского периода; сюда относится и рукопись «Русский литературный язык в революционную эпоху». Некоторые из них были впоследствии переизданы в сборнике «За марксистское языкознание» [28].

Мы сознательно не упоминали здесь собственно общеязыковедческих работ Е. Д. Поливанова, которые будут предметом специального анализа в дальнейших главах. Следует, однако, оговориться, что разделить работы Поливанова по признаку «общего» или «конкретно-языкового» их характера невозможно: в, казалось бы, абстрактно-теоретических статьях содержится интересный конкретный материал, а в «конкретных» работах, даже в публикациях текстов, можно найти важнейшие общие мысли.

И в заключение — о тех работах Поливанова, которые, по-видимому, были написаны, но не дошли до нас и, может быть, по сей день пылятся где-то на полках архивов. Некоторые из них были написаны в соавторстве. Вот их список: Русско-таджикский словарь; работа о происхождении китайского и японского языков; Китайский словарь; Туркмено-русский и русско-туркменский словарь; Таджикская грамматика; Консонантизм чеченского (плоскостного) языка; Узбекский и таджикский говоры города Самарканда (с приложениями); Фонетическое описание ревельского говора эстонского языка; Историческая фонетика японского языка; Грамматика казахского языка; Грамматика азербайджанского языка; Грамматика эрзямордовского языка; Грамматика калмыцкого языка; Очерк грузинской фонетики; Японские и корейские сказки и легенды (перевод и комментарий); Руководство по диалектической работе для краеведческих организаций СССР.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЗГЛЯДЫ Е. Д. ПОЛИВАНОВА НА СУЩНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА И НА МЕТОДОЛОГИЮ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Три фактора определяют интерес Е. Д. Поливанова к этой проблематике. Первый из них, конечно, связан с историей становления его научных взглядов. Будучи верным учеником и последователем И. А. Бодуэна де Куртенэ, Поливанов — как и Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский и другие его ученики — не мог не воспринять и его методологическую позицию в отношении как самого

языка, так и языковедческой науки. Правда, как известно, позиция Бодуэна в этих вопросах была непоследовательна, противоречива и не могла полностью удовлетворить его учеников, но во всяком случае первоначальный «толчок» был дан и воспринят.

Второй фактор — тот период в развитии лингвистической науки и — более широко — вообще советской науки, на который пришелся творческий расцвет Поливанова. Этот период был характерен, во-первых, стремлением перестроить все гуманитарные науки на марксистской основе, иногда приводившим к явным крайностям, но исторически вполне понятным. Такая перестройка коснулась, не говоря уже о философии, истории, этнографии, психологии, литературоведения... Она была связана с именами В. П. Волгина, М. Н. Покровского, Л. С. Выготского, В. М. Фриче и многих других. На повестку дня встала аналогичная перестройка и языковедческой науки, и такой видный ее теоретик, как Е. Д. Поливанов, не мог остаться в стороне от этого движения, тем более что во второй половине 20-х годов он занимал ряд ключевых научно-организационных постов в языкознании, и поэтому ему приходилось четко формулировать свою методологическую позицию. Во-вторых, на фоне указанного стремления возникла резкая конфронтация точек зрения, равно претендовавших на исключительность, но по-разному интерпретировавших суть марксистского подхода в языкознании. Одно из таких направлений возглавил Н. Я. Марр — его концепция была объявлена группой его последователей единственной марксистской языковедческой теорией. Во главе другого направления оказался Е. Д. Поливанов.

Наконец, третий фактор — это конкретно-научные штудии Поливанова, постоянно приводившие его к постановке и необходимости решения методологических и общетеоретических вопросов. Приведем лишь три примера. Занятия японской диалектологией не могли не заставить Поливанова вплотную заняться закономерностями фонетической эволюции языка, а затем и более общими вопросами языковой эволюции. Занимаясь описанием иранизованных узбекских диалектов, Е. Д. Поливанов буквально вынужден был определить свои позиции в области теории смешения (гибридизации) языков. Наконец, огромный диапазон исследовательского материала (в типологическом отношении) привел Поливанова к постановке общеязыковедческих и лингвотипологических проблем,

о чем будет подробно сказано в главе 3 настоящей работы.

Взгляды Е. Д. Поливанова по принципиальным вопросам теории языка, естественно, претерпели определенную эволюцию. Начнем с краткого изложения его высказываний по этим вопросам, относящимся к предреволюционному периоду и первым послереволюционным годам — до переезда Поливанова в Узбекистан, т. е. до 1920—1921 гг.

Для Поливанова, как и для других лингвистов Петербургской школы, первоначально было характерно понимание языка как функции индивидуального языкового мышления; что касается «общего языка», то, как и для Бодуэна, эта общность для него обусловлена общностью социально-экономических условий. Отсюда такие формулировки Поливанова, как например (в «Конспекте лекций...» 1916 г.): «...Обычно индивидуальные особенности речи отдельных лиц сознательно или бессознательно устраняются ... Те социальные группы, которые связываются тесным общением, имеют более или менее однородный язык, и чем теснее такое общение, тем больше в языке однородности...» [4, 6—7]. Сам же язык на следующей странице определяется как «всякая совокупность или система ассоциаций между представлениями речевыми (представлениями звуков, слов, частей слов, предложений) и представлениями внешнего мира (т. е. понятиями, которые выражаются в языке), независимо от того, существует ли эта система в уме большого или малого числа лиц, или даже только в уме одного лица. Таким образом, можно говорить и об индивидуальном языке... Строго говоря, только индивидуальный говор и есть нечто вполне определенное с качественной точки зрения... Поскольку мы переходим от индивидуального говора к языку известной группы лиц, мы уже имеем дело с некоторой абстракцией...» [4, 8]. И так далее: весь ход рассуждения, вплоть до примеров из польского языка, абсолютно точно воспроизводит позицию Бодуэна, многократно изложенную в его печатных работах и в курсах лекций по введению в языкознание. В той же логике трактуются и вопросы эволюции языка: они связываются с передачей языка от поколения к поколению и рассматриваются как накопление различий — вплоть до непонимания. Здесь, по Поливанову, действуют три фактора: а) различие между языком детей и языком взрослых, б) «возможность разнородности изменений в языке, передаваемом из поколения в поколение» [4, 6], в) фактор

«разрыва общения» между теми или иными группами говорящих.

Хотя, как уже было сказано, взгляды Поливанова претерпели известное развитие, но и в поздних его работах можно встретить аналогичные формулировки. Так, в «Словаре лингвистических терминов» язык определяется как «(относительное) тождество систем ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их произносительно-слуховыми символами, принадлежащих всем индивидуальным языковым мышлениям некоего коллектива, экономическими условиями предопределенного к регулярному перекрестному общению» [38, 122]. Здесь стоит обратить внимание на указание относительно предопределенности общения «экономическими условиями», что принципиально важно. В одной из брошюр 30-х годов Поливанов упоминает опять-таки «единообразие индивидуальных систем речевых символов (или, иными словами, единообразие индивидуальных речевых мышлений, каковое и составляет языковую систему)» [35, 5].

Между прочим, Вяч. Вс. Иванов в известной статье о Поливанове утверждает, что Поливанов в «Конспекте» независимо от Соссюра выдвинул понятие «лингвистической ценности» [73, 55] и употреблял позже также понятие «социальной ценности» фонетических явлений. Конечно, Соссюра Поливанов тогда не знал, да и не мог знать: но он прекрасно знал Бодуэна, употреблявшего термин «языковая ценность» применительно к фонеме [60, 276], а главное — рассматривавшего морфологизацию и семасиологизацию как частные случаи «социализации или обобществления» — см. [77, 20—21].

По мнению того же Вяч. Вс. Иванова, «в годы после Октябрьской революции понимание Поливановым соотношения между индивидуальным и социальным в языке резко изменяется» [73, 56]. Это мнение он, в частности, аргументирует критикой Поливановым недостаточной социологичности языкознания прошлого. Далее Вяч. В. Иванов цитирует Поливанова: «Целевая установка, т. е. то, для чего язык существует, — это именно лишь коммуникация, необходимая для связанного кооперативными потребностями коллектива» [73, 57] — это работа 1928 г. Однако, чем отличается эта мысль от мысли из «Конспекта» 1916 г. о языке как достоянии «известной группы людей, имеющей постоянное между собой общение» [4, 6], и утверждения, что «чем теснее общение, тем больше в языке однородности»? По-видимому, отличие не в том,

что язык служит для коммуникации в коллективе, а в более важном тезисе о том, что языковой коллектив связан кооперативными потребностями, и язык тем самым обслуживает совместную трудовую деятельность членов этого коллектива. Кстати, и сам язык начинает пониматься Поливановым уже не просто как система (единообразие индивидуальных языковых систем), а как деятельность.

Итак, вот что нового мы находим в работах Е. Д. Поливанова 20-х годов: связь языка с совместной трудовой деятельностью коллектива и понимание языка (речи) как деятельности. Приведем некоторые характерные примеры. Язык есть «достояние и орудие борьбы определенного общественного коллектива, объединенного кооперативными потребностями» [42, 51—51]. В основе концепции «лежит понимание языка как трудовой деятельности, имеющей целью коммуникацию...» [42, 57]. К вопросу о «принципе экономии» в языке: «...экономия энергии в пределах, обеспечивающих, однако, достижение результата..., есть типичная черта любой трудовой деятельности, имеющей определенное задание»... [42, 60]. С другой стороны, «экономический уклад» и «характер кооперативных связей» определяют систему общения в коллективе, а также сам «контингент носителей» [42, 86—87].

«Что нужно для того, чтобы данная произвольно созданная индивидуумом система получила реальное существование в качестве языка..?» Ответ: нужно, «чтобы нашлись лица, заинтересованные в том, чтобы эту систему усвоить и применять для взаимного общения», а «для этого требуется реальное существование коллектива, реально объединенного известными кооперативными потребностями и неспособного обслужить себя ... какой-либо другой системой (т. е. другим языком)» [42, 179].

Думается, достаточно уже приведенных примеров. Во всяком случае ясно, что Е. Д. Поливанов не ограничивался «определением языка как социально-исторического факта» — недаром он подчеркивал, что «сочетание лингвиста и марксиста в одном лице уже предполагает решение этой задачи» и что «это лишь первый необходимый шаг, не более того» [42, 186]. Напротив, он самым четким образом формулировал «элементарнейшее из методологии марксистской лингвистики» в виде следующего тезиса: «Язык должен изучаться как трудовая деятельность (параллель до известной степени найдется в изучении производственных процессов); но не индивидуальная,

а коллективная». И далее: требуется искать связь языка «не только с культурой как таковой, но и со всей совокупностью явлений экономического быта данного коллектива, прежде всего ... с кооперативной деятельностью этого коллектива» [42, 177].

Все это, казалось бы, звучит достаточно тривиально. Но для второй половины 20-х—начала 30-х годов сказанное было далеко не очевидно. Покажем это на нескольких примерах.

Вот пятое издание известного «Краткого введения в науку о языке» Д. Н. Ушакова, вышедшее в 1922 г. [94]. Здесь понятие о социальности языка появляется на стр. 110, где голословно язык характеризуется не только как «явление индивидуальное», но и как «явление общественное». Все, что далее говорится по этому поводу, не выходит за пределы младограмматической традиции.

Вот, казалось бы, вполне современная книга — монография А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» (1928). В ней есть несколько параграфов, специально посвященных социальному аспекту языка. К чему же сводятся взгляды Селищева? Речь «представляет продукт деятельности социальной среды, — среды взаимодействующих индивидуумов» [90, 7]. Иными словами, существует некая языковая норма, носящая надындивидуальный характер, — и логична следующая за этим разъяснением цитата из Э. Дюркгейма.

У языка (речи) есть ряд функций, главная из которых коммуникативная. Но в чем она заключается? «Речь служит главнейшим проводником, передающим акции и реакции взаимодействующих лиц» [90, 9].

Возьмем статью Р. О. Шор «Парадоксальная ортодоксальность» [95], написанную, кстати, как полемический отклик на статью Поливанова «Русский язык сегодняшнего дня» [23]. Шор выхватывает из логики рассуждений Поливанова одну мысль: что язык как целая данная система не может рассматриваться как обусловленный социальными факторами. Эта мысль у Поливанова действительно есть, но у него она звучит совсем не так «криминально», ибо противопоставлена вульгарно-материалистической идее о надстроечном характере вообще всего языка. Р. О. Шор, однако, утверждает, что Поливанов отрицает социальную природу языка и социальную значимость языковых противопоставлений, а главное — призывает «выявить отражение социально-экономической базы как на статике, так и на динамике языка» [95, 149], стре-

мясь установить здесь какую-то непосредственную связь.

Вот нашумевшая в свое время книга Н. Я. Марра «Яфетическая теория», так называемый «Бакинский курс». Там содержится следующее весьма показательное утверждение: «Язык во всем своем составе есть создание человеческого коллектива, отображение (! — *А. А. Л.*) не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства в технике и строе, равно в семантике...» [83, 77]. Ему вторит во «Введении в яфетидологию» И. И. Мещанинов: «...Общественное и экономическое состояние отражается во внешней структуре речи...» [84, 115]. Там же: «...Язык оказывается лишь одним из проявлений общечеловеческой культуры...» [84, 137].

Думается, что этих примеров вполне достаточно, чтобы продемонстрировать, что позиция Е. Д. Поливанова была во всяком случае более глубокой и более близкой к нашим современным воззрениям на сущность языка, чем позиции большинства его коллег и современников. Главное здесь было в ясном понимании Поливановым принципиально двойственной онтологии языка — как социальной, так и психологической, — и обусловленности языка не просто задачами и условиями общения, но — через общение — коллективной трудовой деятельностью. Иными словами, само речевое общение Поливанов понимал как сторону или условие трудовой деятельности; язык же был для него не только системой абстрактно-социальных, надындивидуальных ценностей, но в то же время (и в первую очередь!) деятельностью, — в более современных терминах, субстанцией языка была для него социальная деятельность: см. [82].

Под этим углом зрения надо рассматривать и его теорию эволюции языка, разрабатывавшуюся Поливановым в основном в узбекский период (1921—1926) и отчасти в годы его работы в Москве. Она сводится в общих чертах к следующему.

В эволюции языка имеют значение два вида деятельности: 1) усвоение языка; 2) речевое общение. Однако их функция и относительная значимость различны. Что касается процессов усвоения языка, то здесь Поливанов указывает на наличие д в у х эталонных моделей: речь взрослых и речь сверстников. Вторая модель — в соответствии с общим пониманием сущности языка — обеспечивает (через единство общения в детском коллективе) кодификацию отклонений от языковой модели взрослых; т. е. эти отклонения, когда они возникают в массовом

порядке, «получают социальное оправдание» [42, 59] в общении внутри детского коллектива. Это чрезвычайно интересное рассуждение, как ни странно, осталось совершенно чуждым психологии детской речи и не получило дальнейшего развития. Впрочем, в самое последнее время мысль Е. Д. Поливанова о том, что темп языковой эволюции должен зависеть от «различных форм детского быта» [42, 59], т. е. социальных условий внутри соответствующей малой группы (семьи, детского сада и т. п.), нашла блестящее подтверждение в кандидатской диссертации М. Кечке [74].

Что же касается процессов речевого общения, то исключительно важно указание Поливанова на «предварительную ... мыслительную работу», «состоящую в анализе (расчленении) коммуницируемой совокупности идей и в мобилизации соответствующих этому расчленению языковых ассоциаций» [42, 60]. Поливанов прямо говорит в этой связи о внутренней речи. Вторая существенная мысль Поливанова касается роли «экономии энергии» в речевых процессах, — здесь сразу же необходимо подчеркнуть, что у него эта «экономия» не имеет ничего общего с «принципом экономии» А. Мартинэ и другими (аналогичными) теориями. Мысль Е. Д. Поливанова совершенно иная и безусловно верная в свете современного (деятельностного) подхода в советской психологии: «Экономия энергии... есть типичная черта любой трудовой деятельности, имеющей определенное задание» [42, 60].

Поливанов вводит понятие о двух видах материала речевого общения: это представления языковых единиц и представления готовых речевых стереотипов. И эволюция может идти как перестройка системы единиц, а может — как перестройка структуры речевого стереотипа (слова, высказывания).

На уровне фонетики мы имеем дело с двумя основными типами эволюции: отождествление того, что было различным (конвергенция), и различение того, что было общим (дивергенция). Мы не будем вдаваться в детали различных вариантов этих процессов, сославшись на опубликованные работы Поливанова [42; 28; 36]. Существенно, что Поливанов не просто построил некоторую систему научных конструктов, но показал, как эти конструкты «работают» на конкретно-языковом материале, и даже сделал некоторые предсказания относительно будущего развития реальных языков. Например, он выдвинул гипотезу о будущей утере японским языком и ганьсуй-

ским диалектом дунганского языка политонического ударения [43, 211]. В русском языке Поливанов предполагал «падение» безударных гласных и снятие противопоставления палатализованных и непалатализованных согласных [41, 110], и др.

А где же здесь социальные факторы? Е. Д. Поливанов по этому поводу говорит: «Нужно заведомо отказаться от допущения каких-либо таинственных (мистического, я бы сказал, порядка) соотношений между социальной историей общества и историей языка, соотношений, которые нельзя бы разложить на цепь конкретных причинных связей и которые можно только постулировать, исходя из предвзятой предпосылки о том, что все зависит от социально-экономических явлений. Нам же, лингвистам, надлежит не исходить, а прийти к подобному положению в качестве вывода из изучения и обобщения реальных фактов» [42, 86]. Эти факторы прежде всего связаны с контингентом носителей («социальным субстратом») данного языка. С одной стороны, прямая языковая преемственность; в результате социального расслоения коллектива здесь возможно, правда, расслоение языковой традиции. С другой, гибридизация и метисация. При слиянии прежде различных языков многое зависит от социально-экономического доминирования той или иной части языкового коллектива, и т. п. Во всяком случае, социолингвистические штудии Поливанова носят совершенно определенную направленность и прежде всего — конкретно-исторический характер. Покажем это на примере анализа им происхождения бухарско-еврейского «языка», т. е. бухарско-еврейского диалекта таджикского языка [51].

Поливанов утверждает, что основной причиной расслоения таджикского языка на два «наречия» — северное и южное, — является различие экономических связей: «северные, или равнинные, таджикские коллективы жили в экономическом симбиозе с узбекским населением» и в силу этого находились под влиянием двуязычных городских центров. Отсюда — смешение с узбекским языком (гибридизация). Северные говоры, в частности, имеют старотаджикскую триаду э—*ӣ*—*и* из (соответственно) *а*, *ō*, *ū* (*ӣ*). В южных *а* дало э, *ō* и *ū*—*и*, *ӣ* — звук типа *ы*. Конвергенция *ō* и *ū*, по Поливанову, — «нормальный» ход фонетической эволюции, объяснимый через внутрисистемные факторы. Но таджик, говорящий по-узбекски, должен был различать и соответственно три узбекские звуко-

представления *а—о—и*, в противном случае его узбекская речь была бы дефективной, а усвоенные в узбекском языке противопоставления он переносил на родной таджикский. Отсюда сохранение старого различения *ō* и *ū*, в «нормальных» условиях смешивавшихся. А слияние *ū* и *ӣ* в едином северном *и* объясняется тем, что в соответствующих узбекских диалектах отсутствует различение долгого и краткого *и* (да и вообще эта корреляция чужда большинству чагатайских узбекских говоров).

Бухарско-еврейский диалект — часть северной группы, но имеет некоторые «южные» черты. В чем причина этого? По мнению Е. Д. Поливанова, мы имеем здесь дело с консервацией черт, ранее свойственных всем северным говорам, но утерянных в результате интенсивной гибридизации. Очевидно, что влияние узбекской культуры и языка на еврейские коллективы должно было быть значительно меньшим — «в связи со специфическими особенностями экономической ситуации еврейского населения... Во-первых, местные евреи... не занимались садоводством и земледелием и проводили, следовательно, весь год внутри города — в то время как таджики, выезжавшие с весны до осени на свои пригородные участки, естественно, должны были вступать в более тесное экономическое и языковое общение с узбекским населением... Во-вторых, ...местные евреи были оттеснены местным чисто таджикским населением от (более или менее широкого) участия во внутрирайонном товарообмене, — товарообмене с окружающими узбекскими кишлаками...».

Мы не обсуждаем сейчас правильности всех этих утверждений: нам важно другое — их конкретно-социальная и конкретно-историческая аргументация, увы, столь чуждая характерному для современной лингвистики типу исследования...

Другой путь развития — при отсутствии межъязыковой гибридизации — Е. Д. Поливанов прослеживает на материале эволюции русского литературного языка в советский период, когда меняется характер его социального субстрата [16; 20; 23; 42].

Все эти — характерные для Поливанова — подходы к механизму языковой эволюции определили и его отношение к сравнительно-историческому методу (компаративистике). Защищая компаративистику от нападок марристов, Поливанов четко определяет ее место в системе современного языкознания. Это — область языкознания,

позволяющая через установление истории конкретных языков и языковых семейств, во-первых, построить «лингвистическую историологию» как учение о механизме языковой эволюции (и в конечном счете прийти к общей лингвистике, в которой ... и лежит философское значение нашей науки» [42, 329]); во-вторых, в известной мере прогнозировать языковое будущее, что имеет социальную значимость; в-третьих, от истории языка перейти к истории культуры и конкретных этнических культур. Компаративистика, следовательно, — необходимая часть лингвистики, но только часть ее. Она не может быть отброшена на том основании, что является «буржуазной»: она имеет дело с фактами или с вполне допустимыми гипотезами. С другой стороны, она сама по себе не может ответить на вопрос «почему?» — ведь лингвистика в целом ставит своей задачей «установление причинных связей между изучаемыми явлениями, именно объяснение причин языковых явлений», а компаративистика лишь частично способна к такому объяснению, ибо она не является «социологической» наукой [42, 182; 42, 51].

В связи со сказанным стоит вспомнить и то, что говорил Поливанов о философском значении лингвистики. Оно состоит «в том, что данная дисциплина в ряду других наук служит для выработки общих философских положений реалистического мировоззрения; марксистское мировоззрение является, конечно, научным реалистическим мировоззрением, т. е. выводится именно путем обобщения конкретных положений, выводимых каждой отдельной наукой для своей области фактов» [52]. В другом месте Е. Д. Поливанов говорит: «...всякая наука, претендующая на участие в создании реалистического и, в частности, марксистского миропонимания, должна вытекать из фактического материала, а не сводиться к нескольким общим положениям, не связанным с конкретными фактами данной области явлений» [42, 176]. Отсюда путь построения марксистской лингвистики предполагает марксистское объяснение твердых языковых фактов и лишь затем — переход «вглубь к неизвестному» [42, 177]. Значит, нельзя игнорировать лингвистическую культуру прошлого, «нельзя не знать установленных ею фактов, как и методов, позволяющих убедиться в математически точной доказанности этих фактов» [42, 52].

Именно здесь и лежит основной пункт расхождений между Поливановым и учениками Н. Я. Марра, и нам придется перейти к более детальному анализу этих рас-

хождений, необходимому для полного понимания общелингвистической позиции Поливанова.

Начнем с того, что Е. Д. Поливанов отнюдь не был с самого начала во всем антагонистом Марра. Наоборот, он во многом поддерживал Марра, и недаром Марр писал ему: «Что касается яфетического языкознания, буду очень рад, если все еще рождающаяся теория найдет и Вас, Вас особенно, в числе восприемников...» [42, 20]. Расхождения начались в 1926 г., когда появился проект аналитического алфавита для абхазского языка, вызвавший принципиальное несогласие Поливанова [47], и когда вышла книга Марра «Чуваши-яфетиды на Волге», также оказавшаяся для него неприемлемой. Позже он назвал эту книгу «образцом и первым резко выраженным шагом ложного пути».

На страницах данной работы мы не будем описывать историю борьбы Е. Д. Поливанова с «яфетидологами», тем более, что она достаточно подробно изложена в [42, 20—27]. Возьмем только один документ — стенограмму доклада Поливанова «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория» [56], сделанного в Коммунистической академии 4 февраля 1929 г. в ходе так называемой «поливановской дискуссии», и проследим ее аргументацию.

Е. Д. Поливанов отдает дань научной деятельности Н. Я. Марра: «За вычетом яфетической теории остается очень много материала, который делает Марра великим ученым». И если у яфетической теории было здоровое зерно, то оно было «в сравнительном грамматическом обычном компаративном изучении южнокавказских языков, производившемся только неумело, без должного знания общего языкознания». Но далее Марр стал привлекать к анализу языки, лежащие за пределами его непосредственной специальности и известные ему поверхностно, например: «Привлечение чувашского языка... сделано действительно так, как позволительно сравнивать языки, я бы сказал, человеку, так же далекому от лингвистики, как далек лингвист от химии».

Здесь Поливанов переходит к общей характеристике того, что представляет собой марксизм в языкознании. Если брать просто верные общие положения, «может быть, приемлемые с точки зрения марксиста и истинные, но не вытекающие из языковых фактов», то это будет, может быть, теория наук, но не языкознание. «А вот когда вы любое положение марксизма, любое положение диа-

лектического материализма выводите из фактов, вот тогда я скажу, что это будет марксистская лингвистика... А если у нас будут просто сказаны такие истины, что язык, дескать, развивается не независимо от изменений в жизни общества..., то для этого не нужно быть лингвистом, а для этого достаточно прочесть классиков марксизма». Однако все эти правильные и аксиоматические положения сформулированы задолго до Марра.

Далее Е. Д. Поливанов обращается к компаративистике, показывая объективность ее метода, и демонстрирует на конкретных примерах некорректность языкового материала, используемого Марром.

Переходя к смешению языков, Поливанов критикует несвязанность положений Марра с конкретными социально-экономическими условиями: при разных условиях (до товарного хозяйства и в эпоху товарного хозяйства) процесс идет по-разному: дивергенция языков сначала, конвергенция потом. Он также отмечает у Марра анахронизмы (обращение к более поздним формам) и «праязычество», т. е. стремление все формы всех языков свести к «приматному языку».

В целом «яфетическая теория является лишь насильственной искусственной классификацией форм и значений». Она не дает строгого доказательства своих утверждений. Вообще «у Марра многое не ново, а то, что ново, то исключительно неубедительно». Его сопоставления объяснимы лишь случайными фонетическими совпадениями.

Связь с материальной культурой — сильная сторона яфетической теории. Но при этом игнорируются факты связи языка с материальной культурой, установленные, например, индоевропеистикой.

Не менее характерны те упреки, которые делались самому Поливанову. Некоторые из них имели под собой серьезные основания: так, например, вскользь брошенное Поливановым утверждение о том, что в «коллективе», состоящем из человека и собаки, возможен собственный язык, противоречащее его собственным взглядам, сразу попало под огонь критики [59, 11]. Критиковалась бодуэновская мысль о реальности лишь индивидуального говора [59, 11]. Утверждалось, что нельзя подходить «с принципами и методами индоевропеиста к яфетической теории, которая построена на других принципах и методах» (слова В. М. Фриче, цитированные в [59, 32]).

Критиковалась мысль о неодинаковой связи разных уровней языка с внеязыковыми влияниями [87, 37], о невозможности «взрывов» в истории языка [95, 149]. Впрочем, многое в этой критике было натяжкой и подтасовкой — Поливанову приписывалось порой прямо обратное тому, что он говорил... Именно таким «методом» (ведь не всякий читатель будет проверять!) пользовались авторы сборника «Против буржуазной контрабанды в языкознании».

Но вернемся к самому Е. Д. Поливанову и его действительным взглядам. Поскольку мы уже много раз упоминали о компаративистике, пора охарактеризовать его вклад в нее. Оговоримся сразу же, что мы не затрагиваем частных проблем сравнительно-исторической лингвистики, останавливаясь лишь на вопросах принципиальных.

Начнем с того, что Поливанов — как это, впрочем, легко понять — отнюдь не был узким «индоевропеистом». Он специально занимался вопросами сравнительной грамматики не только индоевропейских, но и тюркских (и вообще алтайских), «японских» (т. е. японского и рюкюского), в определенной мере и других языковых семей и групп.

Думается, что в статье Вяч. Вс. Иванова [73] характеристика компаративистических штудий Е. Д. Поливанова дана достаточно подробно. Он отметил следующее: а) использование Поливановым сравнительно-исторического метода на материале японских диалектов и рюкюского языка; б) теорию родства корейского языка с алтайскими, позднее заново построенную Г. Рамстедтом, незнакомым с работами Поливанова; в) теорию родства японского с алтайскими и австронезийскими языками; г) применение приемов внутренней реконструкции к материалу неиндоевропейских языков; д) последовательное проведение принципа относительной хронологии; е) использование в сравнительно-историческом исследовании идеи смешения или скрещивания языков; ж) разработку теории языковых союзов; з) идею «сравнительной грамматики неродственных языков». К этому списку едва ли можно добавить что-либо существенное; и мы ограничимся тем, что сошлемся на неизвестные доныне рукописные материалы, связанные с компаративистскими штудиями Поливанова.

Уже в 1924 г. в письме Н. Я. Марру Поливанов выражал готовность читать курс сравнительно-исторической грамматики турецких наречий [54].

В «Словаре лингвистических терминов» имеется специальный экскурс, посвященный сравнительной грамматике неродственных языков. Вот он: «Добавим, что кроме сравнительных грамматик тех совокупностей языков, которые признаются р о д с т в е н н ы м и с точки зрения традиционной генеалогической классификации, возможны и такие сравнительно-грамматические штудии (т. е. сравнительные грамматики), которые охватывают лишь общие (т. е. родственные) элементы в неродственных (по традиционной генеалогической классификации) языках. Например, японский язык не является родственным ни китайскому, ни аннамскому, но включает в себя массу китайских заимствований (заимствованных слов), которые проникли, с другой стороны, и в корейский, и в аннамский языки; благодаря этому оказывается возможной «сравнительная грамматика языков китайской культуры», в которой будут изучаться (в качестве параллелей к собственно китайским формам слов) и вышеупомянутые китайские заимствования японского, корейского и аннамского (а также и некоторых других) языков...» [57, 66 [2]].

В 1931 г., в статье об элементах сингармонизма в айнском языке, Поливанов выдвигает мысль о возможности родства айнского с уральскими языками, хотя всячески оговаривает необоснованность этой гипотезы в настоящее время языковым материалом (что понятно в связи с его полемикой с Н. Я. Марром) [55].

Завершая настоящую главу, вынужденно фрагментарную, хотелось бы остановиться на проблеме, которая до сих пор не изучена в достаточной мере, хотя материала для такого изучения более чем достаточно. Речь идет о преемственности идей между И. А. Бодуэном де Куртенэ и его учеником Е. Д. Поливановым.

Еще в 1961 г. мы попытались показать принципиальное единство теоретических воззрений Поливанова и других лингвистов Петербургской школы, в особенности Л. В. Щербы и Л. П. Якубинского, и их связь с идеями Бодуэна [79]. С другой стороны, Вяч. Вс. Иванов в многократно упомянутой нами статье [73] убедительно вскрыл «бодуэновские» корни многих теоретических положений Поливанова. Думается, однако, что связь Поливанова с Бодуэном гораздо глубже, хотя она не всегда поддается документированию. Речь может здесь идти прежде всего о всем комплексе лингвистических идей, о лингвистическом мировоззрении как таковом и о круге научных инте-

ресов Поливанова. Это совершенно особая исследовательская задача, решение которой еще впереди.

Казалось бы, задача эта не носит сколько-нибудь принципиального характера. Мы думаем, что такое мнение было бы ошибочным. Как мы попытаемся показать на страницах данной работы, очень и очень многое в современной лингвистике более или менее непосредственно восходит к мыслям, впервые высказанным Е. Д. Поливановым. С другой стороны, и помимо Поливанова (и вообще Петербургской школы), существует целый ряд направлений, по которым Бодуэн оказал сильнейшее влияние на лингвистику XX в. И едва ли можно считать несущественным определение действительных истоков теоретической лингвистики сегодняшнего дня, восстановление тех реальных корней, которыми она уходит в лингвистику прошлого.

Еще одна особая исследовательская проблема — проблема связи и «переклички» между Поливановым и современными ему авторами, ставшими в дальнейшем гордостью советской науки, — мы имеем в виду прежде всего Л. С. Выготского (см. особ. [65]) и М. М. Бахтина. Что такие схождения имеют место, очевидно; известен и факт знакомства этих ученых с работами Поливанова. Вообще мы часто рассуждаем об ученых 20—30-х годов так, как если бы они работали в вакууме или по крайней мере знали только литературу по своей узкой профессии. Но ведь это не так!...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ Е. Д. ПОЛИВАНОВА

Е. Д. Поливанов был, как известно, уникальным специалистом по охвату тех языков, которые он мог считать своей специальностью. Дело здесь не только в том, что он был полиглотом; кстати, сам он считал, что знает 16 языков: французский, немецкий, английский, латинский, греческий, испанский, сербский, польский, китайский, японский, татарский, узбекский, туркмен-

ский, казахский, киргизский, таджикский. Важнее другое — что не только эти, но и многие другие языки явились в его работах материалом как для частно-лингвистических, так и для общелингвистических исследований. Перечислим те языки (не считая диалектов), по которым Поливанов оставил специальные (сохранившиеся) работы: японский, рюкюский, корейский, китайский, узбекский, татарский, якутский, азербайджанский, казахский, арабский, древнетюркский (орхонский), ассирийский, албанский, таджикский, каракалпакский, дунганский, эрзя-мордовский, абхазский, грузинский, айнский, уйгурский. Достоверно известно, что он владел также калмыцким, тибетским, тагальским, чеченским, чувашским, эстонским языками; свободно пользовался материалом ряда древних индоевропейских языков, литовского, латышского, кельтских, армянского, марийского, монгольского, маньчжурского, использовал в своих работах даже материалы Г. Г. Манизера по ботокудскому языку. Это давало ему возможность делать широчайшие обобщения и тончайшие наблюдения как общелингвистического характера, так и сопоставительно-типологического характера и — что особенно важно — не могло не привести Поливанова к постановке проблемы универсального метаязыка, пригодного для описания языков, абсолютно несхожих друг с другом в структурно-типологическом плане.

Общее представление о работах Е. Д. Поливанова в области типологии можно получить из известной статьи Вяч. Вс. Иванова [73], нашей статьи в журнале «Русский язык в национальной школе» [78] и из материалов «Поливановской» конференции 1964 г. в Самарканде (см. особ. [85]) [1]. В настоящей главе мы остановимся только на одном направлении типологических исследований Е. Д. Поливанова, а именно — на том, как он решал вопрос о лингвистических единицах, применяемых при описании языков разных типов.

Не секрет, что до настоящего времени при описании языков, далеких по структуре от языков европейского ареала, в лингвистике нередко имеет место своеобразный «европоцентризм». Он выражается по крайней мере в четырех тенденциях.

---

[1] См. также комментарии к изданию избранных работ Поливанова [42]. К сожалению, в ценной книге Г. А. Климова [75] типологические взгляды Поливанова почти не получили отражения.

Во-первых, молчаливо предполагается, что отношения между единицами (и их связями), соответствующими различным уровням системы языка, являются универсальными и строятся по модели флективных и агглютинативных языков европейского ареала. Так, грамматика (морфосинтаксис), действительно доминирующая при построении высказывания, скажем, в русском языке, воспринимается как основной и доминирующий уровень и в языках, где она либо факультативна, либо играет подчиненную роль. То же касается отношений между фонетикой (фонологией) и грамматикой, между интонацией и синтаксисом и т. п. В сущности, типовая схема как брошюр серии «Языки народов Азии и Африки», так и статей многотомного издания «Языки мира» исходит из указанной тенденции.

Во-вторых, система категорий описания, выработанная в рамках европейской (и, в частности, русской) грамматической традиции, считается если не полностью универсальной, то во всяком случае достаточно глобальной и пригодной для описания любого языка. Если в русском языке восклицание — это коммуникативный тип, стоящий в общем ряду (повествование, вопрос, побуждение), то лингвисту трудно представить себе язык, где есть два самостоятельных коммуникативных типа, соответствующих побуждению, но нет восклицания — соответствующий оттенок смысла высказывания передается как своего рода диакритика при выражении других коммуникативных типов. Между тем во вьетнамском языке, по-видимому, дело обстоит именно так. Если в европейских языках структурной основой предложения является сказуемое (что и закреплено в известной схеме синтаксического анализа Л. Теньера [105]), то спорят лишь в принципе о том, верно ли это, но не допускают, что в одном языке это так, а в другом, например монгольском, иначе. Если в русском языке категория определенности/неопределенности не выражена грамматически, остается часто незамеченной теснейшая взаимосвязь этой категории с категорией диатезы. Если в большинстве европейских языков имеется глагол-связка, отсутствие его рассматривается (даже в русском языке!) как эллипсис, хотя материал самых различных языков подсказывает (в случаях *Иван был, будет студентом*), что *был* и *будет* здесь просто единственно доступный русскому языку способ выразить сему прошедшего (будущего) синтаксического времени, т. е. «пустое слово», являющееся носителем определенной грамматической кате-

гории и не имеющее никакой иной функции. Когда Н. В. Юшманов столкнулся в амхарском языке с тем, что там нет оснований разделять существительное и прилагательное, а также предлог и союз, ему пришлось [101, 23] довольно долго это разъяснять — а в вышедшей в той же серии книжке Е. Г. Титова [92] автор, признавая авторитет Юшманова, делает все, чтобы вернуть прилагательное и союз в систему частей речи амхарского языка. Нечего и говорить о «падежах», появляющихся там, где их нет и в помине, «причастиях» и «деепричастиях», «придаточных предложениях»...

В третьих, там, где номенклатура категорий совпадает, предполагается, что критерии их выделения (дифференциальные признаки) те же, что в языках европейского ареала. Скажем, категория частей речи не только считается универсальной (это и в действительности так, хотя номенклатура их различна), но считаются универсальными и принципы выделения частей речи. Против этого очень резко и аргументированно выступал, как известно, Н. Н. Коротков [76]. Другой пример — категория слова, к которой мы еще вернемся.

Наконец, в-четвертых, авторы часто переносят на описываемые ими неевропейские языки «европейскую» «картину мира», не учитывая, что отношения между языком и другими средствами общения, языком и восприятием, языком и мышлением хотя и не имеют принципиальных расхождений в различных культурах, но все же не полностью идентичны. По-русски можно назвать тот или иной цветовой оттенок только одним способом — другой вопрос, насколько эта номинация будет точной. По-вьетнамски он может быть назван с помощью разных основных цветообозначений — здесь зоны цветообозначений, в отличие от русского языка, взаимно перекрываются [61]. В креольском языке ток-писин многие слова при употреблении в конкретном высказывании обязательно сопровождаются жестом, например pes 'лицо', daunim 'глотать' и даже bikpela 'большой', daun 'низкий' в их предикативном употреблении [106; 71, 38].

Таким образом, Л. В. Щерба был прав, когда писал: «Наша беда... в том, что у нас лингвистическое мышление было подавлено индоевропейским строем языков... Наша задача заключается в том, чтобы высвободиться из-под этого влияния и понять, что есть другие языки, которые выражают то же, что и мы — иначе» [97, 103].

Как известно, в своем предсмертном докладе [98] он выразил те же мысли еще более резко.

Заслуга Поливанова как раз и заключается в том, что он не только выдвинул аналогичные идеи еще в конце 20-х годов, но и конкретно показал, как можно и должно лингвистически интерпретировать различия в строе языков.

В основе воззрений Поливанова лежит своеобразное, значительно более широкое, чем у большинства лингвистов — его современников, понимание формы языка. Если в соссюровской традиции (а позже в структурализме) противополагаются друг другу форма (план выражения) и план содержания, то для Поливанова «языка без форм не существует; строго говоря, весь язык состоит из форм (в широком смысле слова — не из одних только морфологических форм, разумеется!)» [38, 119]. Хотя он и говорит о соответствии различия значений и форм, но настаивает на том, что имеется «полная возможность (а вместе с тем и полная обязательность) излагать формы языка не иначе, как в постоянной связи со смысловой их стороной» [38, 118]. Да и как может быть иначе, если для Поливанова «весь наш язык... в целом представляет собой не что иное, как совокупность ассоциаций — главным образом ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их языковыми символами»... [38, 122]? В формах, по Поливанову, «внешним образом реализуются» факты языкового мышления. А это значит, что понятие языковой формы, по Поливанову, охватывает весь комплекс языковых средств, используемых в процессе общения. Язык, по его мнению, — это «процессы коллективного мышления» или «трудовая деятельность, имеющая целью коммуникацию»; говоря «явление языка», он ставит запятую и поясняет: «т. е. речевого общения» [42, 57].

Здесь мы сталкиваемся с некоторой общностью позиций лингвистов так называемой Петербургской школы — Л. В. Щербы, Поливанова, Л. П. Якубинского и др. [79]. Ср. у Якубинского: язык — это «непрерывный процесс» [72, 41], это «разновидность человеческого поведения» [102, 96]. Ср. также тезис того же Л. П. Якубинского о непроизвольности, «неслучайности» языкового знака «в развивающейся системе языка и общества в целом» [103, 99]. Не вдаваясь в другие параллели во взглядах перечисленных авторов, отметим лишь самое важное с нашей точки зрения — а именно выдвижение на первый план процессов речевого общения и трактовку языка как системы явлений, не только обслуживающих эти процессы,

но и формирующихся в них[2]. Отсюда уже один шаг до построения такой системы описания языка, где исходной единицей является высказывание, — шаг, сделанный в известной мере уже самим Л. В. Щербой, а еще в большей мере — его учеником С. И. Бернштейном; Поливанов хотя и не пошел в теории так далеко, но, как мы увидим, в практике описания конкретных языков отталкивался от высказывания как коммуникативной единицы.

Чтобы проследить ход мысли Поливанова при решении проблемы лингвистических единиц, полезно уяснить себе, как он трактовал систему таких единиц и соответствующих им лингвистических дисциплин. Для него «морфология... рассматривает конструкцию слова с точки зрения зависимости его от этой конструкции, ... морфология — занята изучением типов словесной конструкции» [18, 13—14]. Единицей-минимум в ней является морфема, единицей-максимум — синтагма. Синтаксис имеет в качестве единицы-минимум синтагму, единицы-максимум — фразу. Рядом с этой цепочкой единиц выстраивается другая — единицы лексического уровня, изучаемые соответственно лексикой и фразеологией. Что касается фонетики (термин «фонология» Поливанов, как правило, не употреблял), то здесь важно подчеркнуть мысль Поливанова, что «звук языка ... мыслится как потенциальная часть слова» [57, 34]: фонологическая система — это «система постоянных... представлений звуков как потенциальных элементов звукового состава слов» [57, 107].

Таким образом, в основе типологической (да и вообще общелингвистической) концепции Е. Д. Поливанова лежит понятие слова. Но это понятие с самого начала неоднозначно; вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ Поливанов рассматривал слово как своего рода «пучок» единиц разных уровней — грамматического, лексического, фонетического; в то же время слово выступало для него и как коммуникативная единица. В этом последнем отношении характерно уже само определение слова в Словаре лингвистических терминов: словом «...называется настолько самостоятельный в смысловом отношении и логически законченный отрезок речи, что он оказывается способным изолироваться в качестве единственного состава произносительной фразы (например, в диалоге — в вопросах,

[2] Ср. у М. М. Бахтина известный тезис о «социальном событии речевого взаимодействия, осуществляемом высказыванием» как «действительной реальности языка — речи» [64, 113].

переспросах, ответах ...). Кроме этого (главного) критерия — критерия изолируемости... — С[лово] имеет еще ряд других критериев, различных по языкам. Однако эти критерии (т. е. различные признаки С[лова]) далеко не всегда совпадают между собой, а также не всегда совпадают и с критерием изолируемости ...» [38, 119].

Покажем этот подход Е. Д. Поливанова на примере анализа им слова китайского языка. Констатируя совпадение слога и морфемы, Поливанов указывает, что типичным для китайского языка является двухсложное (двуморфемное) сочетание, чаще всего — сочетание двух лексических морфем, называемое им «инкорпорацией». При этом инкорпорация в семантическом отношении может соответствовать как одной лексеме русского и других европейских языков (*шуй цзяо* 'спать', *шу синь* 'письмо'), так и словосочетанию (*шуй е* 'спать ночь', *шо ма* 'говорить ему'). Таким образом, «классификационные пороги в области морфологических величин (каковыми являются слово, с одной стороны, и словосочетание — с другой) ... принципиально не совпадают между русским и китайским языками ...», откуда возникает «известная условность применения термина „слово" к китайским морфемосочетаниям (инкорпорациям прежде всего)». [24, 9]

«Тем не менее, — продолжает свое рассуждение Поливанов, — формальные основания для того, чтобы называть китайскую инкорпорацию ... словом, — в значительной мере имеются» [Там же]. Такими основаниями являются акцентуация и некоторые закономерности аффиксации, в частности — использование форм объектного (Поливанов говорил «объективного») спряжения как целостных основ (типа *ма ни ла* 'ругал тебя'). Очень важно замечание, что «нельзя утверждать, будто понятие слова в китайском языке обладает той же степенью единства, какая присуща русским, например, простым словам...» [24, 11]. И вообще «деление речи на элементы (лексические, морфологические и фонетические) носит в китайском языке специфический характер и сплошь и рядом не находит равновеликих соответствий в единицах европейского языкового мышления» [24, 13].

Еще более четкую трактовку китайского «слова» можно найти в Словаре лингвистических терминов. Здесь Поливанов дает прежде всего перечень самих возможных критериев единства слова: из фонетических это — акцентуа-

ционный, анлаутный и ауслаутный [3]. Затем идут морфологические критерии, которые, «конечно, различны в разных языках (в зависимости от принципиальных особенностей морф[ологического] строя)» [38, 120], а также орфографический. И вот «... в современном китайском языке, напр., единица, в общем соответствующая С[лову], — т. е. тоже занимающая среднее место между словосочетанием (или фразой) и морфемой, — оказывается вовсе несоизмеримой с русским и турецким понятием С[лова], а занимает промежуточное положение между эквивалентом русского С[лова] и русского словосочетания; в связи с этим и морфологическая структура этой единицы, т. е. „С[лова]" современного китайского разговорного (живого) языка, в виде общей нормы, принципиально отличается от нормальной структуры русского (или турецкого и т. д.) С[лова]... Еще бо́льшие различия между количественно-морфологическими масштабами С[лова] мы найдем при сравнении русского, напр., языка с типично полисинтетическими языками: чукотским или алеутским, эскимосским и т. п., где одно и то же „С[лово]" сплошь и рядом оказывается эквивалентным данному словосочетанию русского языка, т. е. включает в себя целый ряд различных лексических (корневых) морфем...» [38, 120].

Существует специальная статья Е. Д. Поливанова, сохранившаяся, правда, только частично (две рукописных тетради из восьми) и названная им «Еще о критериях единого слова». Пока она остается неопубликованной. В ней Поливанов анализирует различные случаи несовпадения критериев слова на огромном материале самых различных языков. Интересно, что в качестве такого несовпадения он рассматривает и случаи типа русского *на скользком полу* (несовпадение морфологического и синтаксического критериев). Последняя фраза рукописи гласит: «... Важно не то, что существуют „акцентуационное слово", „анлаутное слово", „изолируемое (синтаксически) слово" и т. д., а то, что это, несмотря на все переходные явления — различные указки на одну и ту же величину (только не всегда совпадающие)» [49].

Нетрадиционность понятия инкорпорации применительно к китайскому языку находит, однако, поддержку в мыслях учителя Е. Д. Поливанова — Бодуэна, а также

[3] В тексте упоминается еще сингармонический критерий.

в соображениях Л. В. Щербы относительно неточности и некорректности принятой номенклатуры языковых типов.

Мысли Поливанова о китайском слове нашли дальнейшее развитие в работах ряда советских лингвистов, хотя далеко не являются общепринятыми. Назовем здесь прежде всего А. А. Драгунова, который ввел понятие бинома (как количественной единицы) и противопоставил биномы-слова и биномы-словосочетания [69].

Переходя к словосочетанию (синтагме) и предложению, мы находим у Поливанова прежде всего ту же мысль — именно, о несоизмеримости языковых единиц в иноструктурных языках с существующими понятиями в языках европейского ареала. Она доказывается, в частности, тем, что в числе китайских инкорпораций «мы натолкнемся не только на эквиваленты наших (русских) слов, но и на эквиваленты наших словосочетаний и в том числе даже предложений (т. е. словосочетаний со связью предикативного характера)» [24, 12]. Но гораздо важнее и принципиальнее рассуждение Е. Д. Поливанова о соотношении морфологии и синтаксиса в китайском языке. Приведем его целиком. Излагая свою теорию китайских «инкорпораций», Поливанов далее пишет: «И только на основе этого взгляда возможно (и нужно) строить морфологию современного кит. языка. Вне этого могут быть лишь попытки представить под видом синтаксиса то, что на деле вовсе не имеет характера синтаксических явлений.

Как же, однако, быть с вопросом о синтаксисе (после морфологии)? Тут важно указать, что никаких других схем оформления фраз или словосочетаний из нескольких многосложных слов не существует, кроме тех же общих схем, по которым формируются морфемосочетания или инкорпорации — т. е. слова... Иначе говоря, вместо двух принципиально отличных систем формально-семантического оформления материала — морфологии и синтаксиса, как в европейских (русском, например) языках, в китайском (разговорном) мы имеем нечто *одно* — одни и те же общие схемы сочетания (соположения) значащих единиц, — будь то единицы порядка морфемы или единицы порядка слов (и в том числе именно многосложные инкорпорации, доходящие даже до нашего понятия предложения). Вот почему тот, кто говорит о синтаксисе кит. языка, приходит вместе с тем к заключению, что «в китайском языке нет грамматики (т. е. морфологии)». И, наоборот, отрицая моносиллабизм

живого кит. языка ... и пытаясь строить морфологию этого языка, не нуждаются в понятии его синтаксиса» [24, 21—22].

Что это высказывание Поливанова не случайно, можно увидеть на примере некоторых других его рассуждений. Так, говоря о соотношении морфологии (грамматики) и фонетики в дунганском языке, Поливанов пишет: «Между этими двумя системами (фонологией и морфологией, resp. фонологией и «семантикой») констатируется не только простое сосуществование, но и тесная взаимная увязка или согласованность: тот или другой принципиальный характер морфологии уже предусматривает или обуславливает определенную структуру фонологической системы и обратно» [50]. Иначе говоря, отношение между единицами разных уровней принципиально может быть различным. Да и сама мысль о том, что внутри инкорпорации может быть предикативное отношение, относящееся к другому уровню, т. е. что синтагмы предикативного, атрибутивного, объективного и комплетивного типов — «равновеликие в морфологическом отношении величины» [24, 12], предполагает совершенно иное соотношение единиц разных уровней, чем в русском языке.

Мы не имеем возможности в настоящей работе анализировать альтернативные концепции, да и не это является предметом нашего рассмотрения. Во всяком случае, материал множества других языков, близких к традиционному «изолирующему» типу, подсказывает, что в этом — и тем более в главном своем тезисе о «несоизмеримости» единиц — Поливанов был совершенно прав. Например, в креольском языке ток-писин Новой Гвинеи имеет место явный параллелизм структуры слова-бинома (в отличие от китайского, это статистически не доминирующий класс слов) типа gras bilong het 'трава головы=волосы' и структуры свободного словосочетания с поссесивным, адвербиальным или целевым значением типа haus bilong me 'дом меня = мой дом'.

Но наиболее важное следствие из приведенного рассуждения Е. Д. Поливанова — это логическое разведение двух типов отношений, которые можно обозначить как структурно-грамматические и коммуникативные. Одна и та же речевая последовательность может быть представлена как коммуникативная единица — а именно номинация или высказывание, и как формально-грамматическая единица — но точнее здесь было бы говорить, по Поливанову, о морфологической единице, если вслед за ним

понимать под морфологией все языковые средства, обслуживающие структуру высказывания (и структуру номинации). В этом плане характерно, что Е. Д. Поливанов во всех своих работах рассматривает языковые средства разной природы (формальную грамматику, порядок слов, лексику, интонацию) как своего рода взаимные эквиваленты, подчеркивая, с одной стороны, специфический характер их взаимоотношения в том или ином конкретном языке, с другой — их взаимопереходы и взаимообусловленность, их системную связь в данном языке при выражении одного и того же содержания. Ср., например, анализ соотношения порядка слов и морфосинтаксической схемы предложения в русском и узбекском языках [40, 55—58], или же при рассмотрении явления грамматикализации — зависимость этого явления от фиксированного порядка слов в языке [6].

Поливановский тезис о «несоизмеримости» получает особенно яркое развитие при обращении к проблеме частей речи. Уже в одной из первых своих работ, относящейся к 1917 г. — «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами» — он настаивает «на классификации морфологических явлений по категориям, имеющимся в данном языке, а не языке исследователя» [5, X]. И именно на материале японского языка лучше всего показать, как эта мысль реализуется. По Поливанову, в японском языке три основных части речи: 1) «категория именных... основ, характеризуемая системой (или парадигмой) падежных форм. ...а также спряжением в предикативной форме..., причем это спряжение, о д н а к о, п р и н ц и п и а л ь н о и ф о р м а л ь н о о т л и ч а е т с я о т с п р я ж е н и я г л а г о л о в и п р и л а г а т е л ь н ы х» [25, XIX]; 2) категория прилагательных, характеризуемых «основной адъективной парадигмой» из двух форм и спряжением по временам; 3) категория глаголов. В основе этой классификации лежит выделение «существующих в японском языке принципиально различных систем формальных морфем, прилагаемых к определенным классам лексических морфем» [25, XIX].

Рассуждая таким образом, Поливанов часто вступает в противоречие с господствующей традицией описания языков. Так обстоит дело, например, с тюркскими и финно-угорскими языками, где обычно выделяются прилагательное и наречие как самостоятельные части речи. Цитируем Словарь лингвистических терминов: «Фактически истинной причиной такого изложения служило именно

лишь то, что в грамматике русского языка различаются (и противополагаются друг другу на равных в общем правах) все вышеназванные части речи. С точки же зрения „формально-грамматической“ (которую и надлежит считать правильной) никаких наречий в смысле особой части речи в турецких языках не существует; напр. слово kecqurun — это просто „имя“, как и „имя“ kşi, или jaojac, или „имя“ qzil или qara (‘черный’) и т. д.: доказывается это тем, что kecqurun потенциально имеет то же словоизменение, что и прочие „имена“: ср. напр. формы kecqurunga, kecqurunlar, kecqurunlarga и т. п.; равным образом можно доказать, что в узбекском и других турецких (как и в марийском, и в мордовском) не существует и особой самостоятельной части речи „прилагательных“...: узбекские и т. д. переводные эквиваленты русских прилагательных в лучшем случае выделены лишь на правах одного из подклассов „имени“, но никак не в виде самостоятельной и основной части речи, соизмеримой, например, с глаголом» [38, 118] [4].

Однако наиболее важным в принципиальном отношении следует считать вывод Е. Д. Поливанова о разном статусе самой категории частей речи в разных языках, впоследствии развитый в специальной монографии Н. Н. Коротковым [76]. Поливанов пишет в этой связи о «специфической особенности китайской классификации слов по частям речи — по сравнению с таким языком, как русский, обладающим в данном отношении вполне устойчивыми, так сказать, незыблемыми нормами в отличие от значительной гибкости тех классификационных рамок китайской морфологии, которые представляют соответствие нашей классификации по частям речи» [25, 201].

Наконец, Е. Д. Поливанову принадлежит очень детальное обоснование той мысли, которая в те же годы (и особенно позже) получила широкое распространение не только в востоковедении, но и в кавказоведении (Н. Ф. Яковлев), а также в индоевропеистике (Н. Д. Андреев, В. К. Журавлев и др.) — а именно, мысли о специфическом для различных языков отношении базисных фонетико-фонологических единиц друг другу и к единицам других уровней, что заставляет, в частности, выдвинуть

---

[4] Интересно, что и сейчас при описании перечисленных Поливановым языков продолжает действовать та же традиция. Ср. напр. «Структурную грамматику узбекского языка» Шёберга [104].

для «изолирующих» языков типа китайского или вьетнамского силлабему как аналог фонемы. Эта мысль была впервые выдвинута Л. В. Щербой, говорившем в одной из ранних лекций о возможности (хотя и теоретической) восприятия как «звуков речи» сочетаний типа ра, ka, ta [99; 108]. Применительно к китайскому языку (равно как и к дунганскому) Поливанов был первым, кто заговорил о понятии силлабемы. Он писал, что функция гласных и согласных в китайском слоге «не может идти в сравнение с самостоятельной ролью европейских звукопредставлений (фонем), способных ассоциироваться со смысловыми представлениями (и даже составлять собой целую морфему) вне всякой зависимости от своей позиции в слоге (а следовательно, и вообще вне зависимости от слогопредставлений как таковых)... Здесь, следовательно, фонемы входят в определенные сочетания (морфемы и слова) сами по себе и слоговое деление механически обусловливается этим комплектованием фонем (т. е. носит вторичный, зависимый характер). Иначе говоря, к европейским языкам применимо положение, что слова формируются из звуков (или звукопредставлений) как таковых. Для китайского же языка нужно было бы сказать, наоборот, что слова формируются из слогов (или слогопредставлений)» [84, 3—4]. И далее: «Получается известная возможность смотреть на слоговые представления, т. е. силлабемы, как на элементарные единицы.., и приравнивать их в этом отношении к нашим европейским звукопредставлениям» [24, 6]. Интересен один из аргументов Поливанова в пользу такого допущения — это апелляция к тому, что́ является своего рода «строевыми элементами» при усвоении языка ребенком (по его мнению, в китайском языке такими строевыми элементами как раз и являются слогопредставления). При этом в китайском языке имеет место феномен «моносиллабизма морфемы», т. е. не звук (звукопредставление), но только силлабема может выступать как эквивалент или субстрат морфемы. Еще более определенно то же выражено в неопубликованной работе по дунганскому языку: «...силлабема в китайском и дунганском в значительной мере становится элементарной фонологической величиной (каковой в языках привычного для нас морфологического строя... служит фонема)...» [48].

Следует, однако, отметить, что Е. Д. Поливанов не отождествляет полностью силлабему с фонемой. Силлабема «оказывается сопзмеримой с фонемой в языках на-

шего типа лишь в семантически-функциональном, т. е. символическом, отношении, а в произносительно-слуховом отношении разлагается (хотя далеко и не со столь явной для сознания делимостью, как слог русского или турецких языков) на звукопредставления или фонемы... И потому в известном отношении, т. е. именно с точки зрения произносительно-слуховой, а не символической, эти последние величины ... оказываются адекватными русским или турецким и т. д. фонемам ... Китайская фонема ... не является адекватной русской фонеме..., но равным образом и силлабема не является величиной, адекватной нашей фонеме; все классификационные пороги сдвинуты (в китайском) по сравнению с привычными для нас характеристиками морфологических и фонологических единиц...» [58]. Из сказанного видно, что в китайском (resp. дунганском) языке «звукопредставление» и силлабема как бы разведены по своим функциям, в то время как русская фонема (звук) полифункциональна. Иначе говоря, в китайском языке, по Поливанову, силлабема есть структурно-лингвистический (эмический) аналог фонемы, в то время как «звукопредставление» соответствует звукотипу (или «звуку языка» П. С. Кузнецова, или «сонеме» в наших работах 60-х годов — см. [81]). В сущности это не совсем так, если подходить к фонологическому анализу чисто формально, без обращения к языковому сознанию носителя языка, — при таком формальном подходе силлабема будет скорее аналогом морфонемы. Не вдаваясь далее во все эти вопросы, ограничимся констатацией факта, что здесь безусловно все обстоит гораздо сложнее, чем может показаться при анализе «европейских» языков, и мы остро нуждаемся в такой фонетико-фонологической теории, которая была бы универсально-типологической.

Описанный подход Поливанова был позже реализован при анализе китайского языка его учеником А. А. Драгуновым [69]; [70], а при анализе вьетнамского — М. В. Гординой [68].

* * *

Многое из того, что высказывал Е. Д. Поливанов в плане методики описания разноструктурных языков, сейчас кажется самоочевидным и даже не всегда связывается с его именем. Нет смысла даже перечислять все те работы, где эти мысли Поливанова реализуются с большей или меньшей полнотой. Но в нашей лингвистике, особенно в востоковедении, имеется тенденция, воспроизводя

конкретные положения Поливанова по поводу той или иной категории в том или ином языке, уклоняться от постановки более общих и принципиальных вопросов, которые его прежде всего и интересовали. Нашей задачей в настоящей главе и было обратить внимание на эту принципиальную позицию Е. Д. Поливанова.

Даже те сравнительно немногочисленные конкретные выводы, которые делал сам Поливанов из этих общих принципов, показывают, что описательное (да и общее) языкознание стоит перед необходимостью нового качественного этапа в развитии системы категорий описания языка, т. е. лингвистических единиц. И Е. Д. Поливанову, и Л. В. Щербе, и С. И. Бернштейну было совершенно ясно, что наши традиционные понятия вроде *слова, предложения, части речи* и т. п. ни в коей мере не могут считаться универсальными — во всяком случае не универсальны критерии их выделения. Но задачи описания языков, прежде всего сопоставительного, диктуют нам необходимость поиска если не этих, то других универсальных понятий и категорий, необходимость создания действительно универсального метаязыка. К сожалению, даже если взять типологические концепции, эта задача в большинстве из них не решена. Исключением в известном смысле являются, на наш взгляд, подходы, развиваемые Ю. С. Степановым и В. Г. Гаком [96; 66; 67].

Очень важным шагом на пути дальнейшей разработки указанных вопросов могло бы явиться создание универсально-сопоставительной грамматики, где фиксировались бы «фоновые» универсальные характеристики и возможности их актуализации в структуре конкретных языков разных типов. Подготовка такой грамматики, вполне реальная на современном уровне развития языкознания, стала бы лучшим памятником Е. Д. Поливанову, сделавшему больше, чем кто-либо в советской лингвистике.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Е. Д. ПОЛИВАНОВ И ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

Даже если бы до нас не дошла ни одна работа Е. Д. Поливанова по вопросам лингвистической поэтики и мы не знали бы о существовании таких работ, уже, зная биографию Поливанова, можно было бы с уверенностью сказать: подобные работы должны быть.

Начнем с того, что Е. Д. Поливанов был в 1915—1919 гг. одним из активных членов «Общества по изучению поэтического языка» (ОПОЯЗ). Уже в первой публикации ОПОЯЗ'а, который тогда еще даже организационно не оформился, в «Сборниках по теории поэтического языка», имеется его статья «По поводу „звуковых жестов" японского языка» [42]. На четвертой странице обложки книги Б. М. Эйхенбаума «Мелодика русского лирического стиха», изданной ОПОЯЗ'ом в 1922 г., было указано, что готовится к печати выпуск шестой «Сборников» — «Революция и язык»: статьи Е. Д. Поливанова, В. Б. Шкловского, Б. А. Кушнера. Этот сборник в свет не вышел. Участие Поливанова в деятельности ОПОЯЗ'а документировано и многочисленными мемуарами, в частности Л. Ю. Брик, В. Б. Шкловского, В. А. Каверина. Он был одно время близок В. В. Маяковскому, и дошедшая до нас глава из поэмы Поливанова «Ленин», написанной уже в 30-е годы, имеет следующее посвящение: «Посвящается памяти друга — В. В. Маяковского. Е. П.»

Из сказанного видно, что и сам Поливанов писал стихи. Его литературное наследие сравнительно невелико. Это несколько десятков стихотворений, указанная глава из поэмы (впрочем, зная любовь Поливанова к мистификациям, нельзя быть уверенным, что кроме этой главы существовали и другие), довольно много стихотворных переводов киргизского эпоса «Манас» и еще несколько мелких произведений. В переводе Е. Д. и Б. А. Поливановых (супруги Поливановы) была опубликована отдельной книжкой повесть советского дунганского писателя Я. Шивазы «Судьба Мэй яи цзы» (Ташкент, 1935). По-видимому, это не все, — так, например, из стенограммы одного из выступлений Е. Д. Поливанова известно, что в начале первой мировой войны он написал антивоенную пьесу, за

что был арестован и отсидел неделю в тюрьме (в качестве курьеза добавим — быть может, это тоже мистификация? — что пьеса эта была написана на ... испанском языке).

Надо сказать, что стихи Поливанова далеки от совершенства. Они и писались не для печати, а, так сказать, «для себя». Впрочем, в его наследии встречаются и поистине вдохновенные строки (см. приложение к этой главе).

Наконец, Поливанов всю жизнь интересовался вопросами литературоведения и имел в этой области немало публикаций. Здесь сыграли роль его интересы студенческих лет, когда он много работал в области истории русской литературы у И. А. Шляпкина и по окончании университета даже стоял перед выбором, на какой из кафедр (И. А. Шляпкина или Бодуэна) остаться для дальнейшей научной работы. Так, он много работал над восточным фольклором, был автором статей «Гомер персидской литературы (Фирдоуси как автор Шах-намэ)», «Катюша Маслова в Японии», «Татарская народная версия „Шемякина суда“». В первом издании «Литературной энциклопедии» он напечатал статьи «Аллитерация», «Давыдов Д. В.», «Абхазская литература», «Новоармянская литература» [1]. Им опубликованы рецензии на книгу Н. И. Конрада «Японская литература в образцах и очерках» и на книги 1—4 ж. «Восток». Особый интерес представляет статья Поливанова «Формальные типы японских загадок» [42]. Эта статья, по словам Вяч. Вс. Иванова, «является первым опытом формального описания „структуры загадки“, который на 20 лет опередил работы Тэйлора, поставившего задачу анализа форм загадки» [42, 351]. Наконец, целый ряд статей по теории литературы вошел в неопубликованный «Словарь лингвистических терминов» — см. [57].

Но, без сомнения, наибольшую ценность имеет цикл работ Е. Д. Поливанова по лингвистическим проблемам стиховедения. Сюда относятся: работа общего характера [41], анализ тюркской аллитерации [44], статья о китайском стихосложении [42]. Кроме того, целый ряд замечаний и наблюдений, касающихся японского, рюкюского,

---

[1] Авторство трех последних статей установлено Вяч. Вс. Ивановым. Однако в отношении статьи об армянской литературе мы не вполне убеждены в авторстве Поливанова — при всей его эрудиции этот материал был ему, по-видимому, чужд.

мордовского и т. п. стихосложения, рассыпан по лингвистическим работам. Может быть, и это не все. В план второго тома «Введения в языкознание для востоковедных вузов» Поливанов включил раздел «Языкознание и поэтика (фонетическая теория мерной речи)» [18, III]; есть данные, что этот второй том, к сожалению, не сохранившийся, не только был полностью написан, но и дошел до стадии корректуры, однако набор был рассыпан. Вяч. Вс. Иванов, со слов В. Б. Шкловского, указывает, что Поливанов «предполагал начать работу над трудом „Corpus poëticarum“ («Свод поэтик»), где собирался сопоставить особенности строя отдельных языков мира с особенностями поэтики соответствующих литератур» [73, 65].

Особое место в стиховедческом наследии Е. Д. Поливанова занимает статья о поэтике Маяковского [46], на которой мы остановимся ниже.

Поливанов различает поэзию и прозу по признаку фонетической организованности, в чем в принципе смыкается с другими учеными начала 20-х годов. Ср., например, у Б. В. Томашевского: «Основным признаком стихотворной речи является то, что звукоречь организуется по звуковому заданию» [93, 8]. При этом Поливанов подчеркивает, что такая организованность может быть очень различной. «Мы никак не можем подменить это определение каким-либо одним определенным принципом этой организованности, т. е. не можем сказать, например, что поэзия — это все то, где есть рифма, или что поэзия — это все те пьесы, которые обнаруживают правильное чередование ударного и неударного слогов... Приемов фонетической организации поэзии, оказывается, существует много, и мы увидим, что в известной национальной поэзии известного периода излюбленным и канонизованным является один из этих приемов поэтической техники, а в поэзии другого народа или в другой историко-литературный период — наблюдаются уже иные приемы, т. е. своя специфическая поэтическая техника. К этому можно еще добавить, что ...могут быть обнаружены еще совершенно иные по своей фонетической природе приемы, участвующие в организации словесного материала лишь окказионально и необязательно: примером может служить хотя бы спорадическая рифма у Овидия... Мы условимся называть подобные окказиональные (для данной поэтики) приемы факультативными приемами поэтехники — в отличие от приемов канонизованных (к которым у Овидия принадлежит метрическое стихосложение)» [41, 100].

Эти понятия — «канонизованные» и «факультативные» приемы — очень плодотворны для лингвистической теории поэтической речи. Поливанов демонстрирует их различие на французской песенке из «Собора Парижской богоматери» В. Гюго. Он дает также интереснейший анализ природы так называемой «зауми», выдвигая гипотезу о «бордюрной функции» зауми в поэзии и — вслед за теоретиками ЛЕФ'а С. Третьяковым и Б. Арватовым — о ее, так сказать «лабораторной» функции [41, 105].

По Е. Д. Поливанову, «входящие в понятие поэтической техники приемы ближайшим образом зависят от фонетической системы данного языка» [41, 105]. Но здесь есть своего рода универсалии. Так, главным принципом является принцип повтора, хотя материалом повтора могут служить различные элементы.

В зависимости именно от этих элементов и выделяются различные системы стихосложения. Так, в метрическом стихосложении имеет место повтор «общего представления слогосочетаний (стоп) определенного количественного состава» [41, 106]. Второй тип особенно важен для Поливанова, так как типичен для языков его основной специальности. Но «чистый случай силлабического стихосложения, т. е. такого, которое основывается исключительно лишь на моменте числа слогов в корреспондирующих отрезках речи (=стихах), ...мы найдем в весьма немногих языках: в частности, в японском и рюкюском, а также, с другой стороны, и в народной поэзии эрзя-мордовского диалекта — поскольку ему чужды и ударение на определенных слогах (почему невозможно тоническое стихосложение), и долгота гласных (почему нельзя, следовательно, ожидать метрического характера стихосложения)» [41, 106].

Почему в японском языке используется именно эта система стихосложения? Во-первых, в нем (во всяком случае в классическую эпоху японской поэзии) отсутствует экспираторное ударение. Во-вторых, музыкальное словоударение по каким-то причинам не может использоваться в качестве канонизованного средства — и не только в японском языке. В-третьих, в японском языке того периода, когда создавался поэтический канон, не было долготы гласных.

Третий тип или система стихосложения — тоническое стихосложение. Здесь моментом повтора служит силовое ударение.

Разбирая различные типы повторов звуков, Е. Д. Поливанов дает следующую классификацию:

«1. Окказиональные повторы отдельных согласных и гласных в различных позициях стиха, не канонизованные в качестве обязательного признака данной формы...

2. Явления аллитерации, канонизуемой на правах обязательного элемента данной формы (напр., в древне-германском, финском, эстонском, монгольском, якутском и т. д. народном творчестве).

3. Явления рифмы (также канонизованные)» [41, 108]. В связи с первым видом повторов Поливанов выдвигает еще одно важное понятие — «тема». Под темой он понимает совокупность тех звуков, которые и являются элементом повтора.

Существенно, по Поливанову, что фонетический повтор не должен сопровождаться повтором семантических единиц.

Хотя выбор поэтехнической системы зависит от фонетической системы данного языка, возможна и более сложная ситуация. «Дело в том, что фонетическая система данного языка может предоставлять средства для двух возможных систем стихосложения, и выбор одной из них или исторический переход от одной ко второй из них и объясняется, как это можно подтвердить конкретными примерами, факторами экономически-культурно-историческими... Примерами здесь могли бы быть, хотя бы, такие факты, как 1) замена архаического римского „сатурнинского“ стиха метрическим стихосложением — под влиянием греческой культуры или 2) наблюдающийся в последнее время у японских, и именно у токиоских, поэтов переход к тоническому стихосложению под влиянием европейско-американской культуры и английской поэтехнической техники [причем именно особенности восточнояпонского, т. е. токиоского диалекта открывают возможность для этого перехода: в западнояпонских диалектах, где ударение носит исключительно музыкальный (а не музыкально-силовой) характер, для этого нет почвы]» [41, 112].

Таким образом, Е. Д. Поливанов занимает в проблеме «Стих и язык» совершенно определенную и бескомпромиссную позицию. Эта позиция, кстати, неуязвима: ведь те, кто, казалось бы, стоят на противоположном берегу, например В. А. Никонов [86], «воюют» не против самой идеи влияния языка на стих, а против — цитируем Никонова — «попыток растворить без остатка стих в языке»,

«свести стих только к языку», «абсолютной зависимости стиха от свойств языка». Ничего подобного у Поливанова нет. Другой вопрос: диктует систему стихосложения язык или, скажем, «стиль», как у В. А. Никонова? Вместе с Поливановым следует, видимо, ответить: ни язык, ни стиль ее не диктуют. Сам Никонов очень правильно пишет о том, что у стиха есть свои законы, своя структурная организация. Ее формирует, в частности, язык, выступая не столько как активно действующий фактор (и здесь В. А. Никонов прав), сколько как система ограничений.

Остальные доступные нам работы Е. Д. Поливанова по данной проблематике (и экскурсы в лингвистических работах) касаются зависимости стиха от конкретной языковой системы. Наиболее богата материалом и мыслями одна из них, посвященная киргизскому стихосложению.

Строго говоря, статья посвящена достаточно конкретному вопросу — а именно роли аллитерации в киргизской поэтике. Однако на этом, казалось бы, узком материале Е. Д. Поливанов ставит целый ряд общих проблем.

По мнению Поливанова (ср. [27]), использование аллитерации свойственно главным образом языкам с постоянным местом ударения, в особенности — языкам с начальным ударением (германские, финский, эстонский и др. — причина здесь, по его гипотезе, в том, что, «благодаря начальному ударению первый слог слова, а следовательно, и его начальный согласный оказывается лежащим в наиболее светлом фоне фонетического влияния» [44, 100—101]. Отсюда даже и канонизация аллитерации, заменяющей собой в этом смысле рифму. Но тогда откуда аллитерация в тюркских языках, которые хотя и имеют постоянное место ударения, но оно не начальное, а конечное?

Вообще говоря, в тюркских языках аллитерация распространена неравномерно [100, 144—145], но большинство исследователей, в частности В. В. Радлов, Н. К. Дмитриев и др., считает аллитерацию более древним поэтехническим средством, чем рифма. Другую позицию занимают В. М. Жирмунский и А. М. Щербак, считающие, что и рифма, и аллитерация были равно типичны для древнего состояния тюркских языков. См. об этом [80, 107—109]. Однако они, как нам представляется, не делают достаточного различия между аллитерацией как канонизованным и как факультативным приемом. Но во всяком

случае вытеснение аллитерации рифмой связано с влиянием арабо-персидской, а затем русской поэзии.

Итак, откуда парадоксальная роль аллитерации? Можно предположить, по Поливанову, монгольское влияние — но это маловероятно ввиду того, что основное направление культурных и языковых заимствований было обратным — от тюрок к монголам [63]. Возможен и другой, более вероятный ответ: что тезис о конечном тюркском ударении некорректен. И здесь Поливанов выдвигает гипотезу об акцентуационной двухполюсности тюркского слова, проявляющейся в том, что в определенных синтаксических позициях, а также в случаях эмфазы происходит перенос ударения на первый слог. То же, но в большей степени характерно для корейского.

Более строго эта гипотеза формулируется так: «предки нынешних „алтайских" (в широком смысле) языков: турецких, монгольских, маньчжуро-тунгусских и корейского обладали некогда таким же в общем „двухполюсным" ударением слова, какое сохранилось ныне в корейском» [44, 102]. Далее произошло, по Поливанову, следующее: корейский язык в целом сохранил древнее состояние; в монгольских было выбрано начальное ударение, но сохранились и следы конечного; в тюркских сдвиг был противоположным. Дополнительным аргументом за тюркскую двухполюсность является стабильность гласных в первом слоге тюркских слов. (Заметим, что это можно объяснить и тем, что такой слог обычно соответствует корню — о чем вскользь дальше упоминает и сам Поливанов).

Идея двухполюсности и депласации тюркского ударения остается пока не доказанной, но и не опровергнутой. Выдвигалась идея разнокачественности (силовое и музыкальное) тюркских ударений, нефонологичности тюркского ударения и т. п. — см. [89, 38 и след.]. Но если допустить правоту Поливанова, т. е. считать исконным для тюркских языков начальное ударение, связь с ним аллитерации несомненна для всех исследователей (см. [80, 109—110]).

Далее Поливанов дает анализ системы киргизского стихосложения, определяя его как силлабо-тоническое (с канонизованным количественным повтором слов и ударений) при наличии факультативных рифмы и аллитерации.

Китайским стихосложением Е. Д. Поливанов особенно интересовался. По его выводам, древнекитайская система стихосложения (т. е. традиционная поэтехника китайского литературного языка) была метрической, и в ней чередовались типы тонов («косые» и «прямые»), соответствую-

щие в диалектах долготе и краткости. Таким образом, китайское стихосложение аналогично древнеиндийскому, греческому и персидскому [42]. Вяч. Вс. Иванов указывает, что тот же принцип свойствен классическому вьетнамскому стихосложению [42, 351].

Остановимся в заключение на статье, посвященной Маяковскому [46]. По-видимому, она была написана в ташкентский период и представляет собой краткое резюме несохранившейся более обширной работы. (Кстати, в эти годы, по воспоминаниям его учеников, он с большим успехом читал в Среднеазиатском университете курс формальной поэтики).

Статья о Маяковском интересна в нескольких отношениях. Начнем с того, что она — вообще одно из первых исследований поэтики Маяковского; все основные публикации в этой области появились уже после написания статьи и даже после смерти Поливанова. (В их числе монографии и статьи М. П. Штокмара, Б. П. Гончарова, З. Паперного, Н. Харджиева и В. Тренина и мн. др.).

Но самое важное в данной работе — что, несмотря на название, она в сущности посвящена не столько рифме Маяковского, сколько всей звуковой подсистеме поэтических средств, используемой им. В этом подходе к рифме и ее эволюции не как к самодовлеющему и самоценному явлению, а как к одному из элементов единой системы, только и имеющей имманентные закономерности развития — то, что отличает эту статью от подавляющего большинства других исследований рифмы и делает ее интересной и современному исследователю. Представляет интерес рассмотрение рифмы и близких ей явлений в поэтике Маяковского на широком фоне межъязыковых сопоставлений. Здесь эстонская, китайская (точнее древнекитайская), латинская, древнегреческая, французская поэтика; есть ссылки на финское, древнегреческое, этрусское (!), якутское стихосложение.

Основная мысль Е. Д. Поливанова в этой статье — что «дело Маяковского не только в разрушении, иначе говоря, не только в допущении создаваемых им некорректных, дефективных с точки зрения старого канона рифм, но и в каком-то новом плюсе поэтехники, приносимом им взамен старых правил» [46, 154]. Что же это за плюс? Это «перенос центра тяжести звуковых эффектов со старой заезженной позиции (тела рифмы) на новые позиции» [46, 161] и прежде всего — рифмоиды, основанные на корреспонденции согласных, и вообще звуковые по-

вторы (согласных же). Причина этого, по Поливанову, в общей историко-фонетической закономерности русского языка, ведущей к выпадению неударных гласных: «фонетика языка поэтического (разумею звуковой состав, годный для поэтической установки) опередила фонетическое развитие языка прозаического» [46, 161].

«Свод поэтик», о котором мечтал Поливанов, еще не создан. Однако сейчас мы располагаем детальнейшими сведениями о системах стихосложения практически всех (литературных) индоевропейских языков, большинства семитских, тюркских и кавказских, а также монгольских, ряда языков Ю.-В. Азии, ряда языков Африки. Есть, хотя и отрывочные, данные также по многим другим языкам; во всяком случае, уровень разработки систем стихосложения значительно выше, чем во времена Поливанова. Поэтому кажется даже странным, что проект Поливанова остался до сих пор не реализованным — если не в виде серии монографических публикаций, то хотя бы в виде краткого справочника.

Значение такой книги далеко выходило бы за пределы собственно лингвистической поэтики — не случайно Е. Д. Поливанов так часто обращался к фактам стиха при обсуждении вопросов общелингвистического плана. Ведь если неверен тезис «нет ничего в стихе, чего не было бы в языке», то трудно спорить с тезисом, что «в стихе есть многое, что не сразу бросается в глаза в языке». Стихотворная речь — своего рода предельный, граничный случай, к тому же в ней реализуются прежде всего те характеристики данного языка, которые лежат в области нормы, а не системы, и поэтому более многообразны и лабильны, более дифференцированы. Этот тезис (о том, что в организации поэтической речи участвуют всегда «неструктурные» характеристики) противоположен общепринятой концепции Р. О. Якобсона, но близок мыслям Е. Д. Поливанова.

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Е. Д. ПОЛИВАНОВА

С японского

1. ПЕСНЯ РЫБАЧКИ

Виден челн или нет,
На песке стою морском,
Но лишь ветра шум в ответ
По ветвям прибрежных сосен.

2. УТРОМ

По колодцу пробежал
Белый утренний вьюнок,
Мне его распутать жаль —
Я пойду занять воды.

3. В САДУ МОНАСТЫРЯ (ХАЙКУ)

Старый пруд.
Прыжок лягушки.
Звук воды.

С китайского

Вся надежда на существование своей доктрины исчезла у Мэн-Цзы благодаря клевете сына Цзана.

(Биография Мэн-Цзы)

Блажен, кто запись унижений
Педантно-искренне ведет,
Кто видел тень своих падений,
Кто слышал демонов полет;

Кто знал, что вел себя достойно,
Кто ничего не проклинал,
И кто прощающе спокойно
На униженья отвечал;

Если небо захотело,
То свершилось, что должно́,
Но свершать свои хотенья
Сыну Цзана не дано.

Кто гордится тем, что рана
Мне дана его рукой,
Тот, как сын надменный Цзана,
Ослеплен самим собой.

ИЗ ПОЭМЫ «ЛЕНИН»

...В победоносной Германии,
Зажатой в тисках войны,
Царит дисциплина каменная,
Но нервы напряжены.

В победоносной Германии,
Зажатой в тисках фронтов,
Господствуют воля и знание,
Но много голодных ртов.

В победоносной Германии,
Где воля к победе — закон,
Все замерло, кроме сознания,
Что должен быть враг побежден...

...По стране, где со всех сторон
Тень от победных знамен, —
По стране, на которой лежит
Обреченности страшной печать,
Быстро мчится на север вагон,
И, его провожая, бежит
Страны роковая печаль...

В этом вагоне Он, —
Величайшую к людям любовь
Сквозь поля обреченной страны,
Сквозь стоны и слезы и кровь,
Сквозь безумные дни войны
Несет в себе этот вагон.

В этом вагоне Он, —
Величайшее знанье путей
И яснейший прогноз судьбы,
Величайшую мудрость борьбы, —
Величайшего из людей
Мчит на север этот вагон...

...На север к Немецкому морю
Бежит одинокий вагон,
Убегая от призраков горя,
Обступивших со всех сторон
Великого гостя страны.

И с жалостью и с состраданьем
На тебя, — на жертву войны, —
На тебя, пролетарий Германии,
Устремляет Он мудрый свой взор,
И шепчут уста его вещий
Этой стране приговор...

(1936)

ГЛАВА ПЯТАЯ

Е. Д. ПОЛИВАНОВ И ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Среди многих лингвистических «специальностей» Е. Д. Поливанова были и проблемы обучения языку, в частности — обучения русскому языку в национальной школе. В основе его высказываний по этим вопросам лежит богатый личный опыт. Уже в 1915 г. ему приходилось обучать русскому языку калмыков — народных учителей. Особенно значительна была научно-методическая и педагогическая деятельность во время его пребывания в Средней Азии (главным образом в Ташкенте) в 1921—1922 гг. В это время он был, в частности, одним из руководящих деятелей Государственного ученого совета Наркомпроса Туркестанской республики, принимая деятельнейшее участие в разработке программ и подготовке учебников. Будучи в 1926—1929 гг. в Москве, Поливанов активно участвовал в работе секции русского языка Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ). После вторичного отъезда в Среднюю Азию (в Самарканд, Ташкент, затем Фрунзе) деятельность Поливанова в этой области продолжалась. В эти годы была, например, написана и опубликована интереснейшая его книга «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам» [1].

В данной главе мы попытаемся в сжатом виде изложить основные идеи Е. Д. Поливанова, имеющие отношение к преподаванию русского языка в национальной школе. Естественно, что этот обзор не может быть полным и достаточно глубоким. Это объясняется, в частности, тем, что методические работы Поливанова нигде не собраны, а литература о нем как о методисте исчерпывается предисловием Е. Ф. Ваганова к «Опыту...» [40] и тезисами А. И. Васильева [62].

---

[1] Ч. 1. Ташкент, 1935. — Второе ее издание опубликовано в Ташкенте в 1961 г. под названием «Опыт частной методики преподавания русского языка» под редакцией, с предисловием и комментариями Е. Ф. Ваганова (отсылки даются к этому изданию).

Остановимся прежде всего на основных работах Поливанова в данной области. Кроме указанной книги (как уже указывалось, существовала и ее вторая часть, к сожалению, не сохранившаяся), сюда можно отнести «Русскую грамматику в сопоставлении с узбекским языком» [33], а также статью «Чтение и произношение на уроках русского языка в связи с навыками родного языка» [22]. Интересные соображения общеметодического характера, хотя и не связанные непосредственно с обучением второму языку, имеются в его статье «Родной язык в национальной партшколе» [17]. Наконец, с интересующей нас точки зрения нельзя не остановиться на статье «Субъективный характер восприятий звуков языка» [42].

Этим не исчерпывается, строго говоря, методическое (и лингво-дидактическое) наследие Поливанова. Проблемы преподавания языка затрагиваются в целом ряде его статей и книг, хотя и попутно. Е. Д. Поливанову принадлежит даже печатная программа («План преподавания родного языка») для турецких групп КУТВ. Наиболее интересные архивные материалы Поливанова по методике опубликованы и проанализированы в [58а].

Прежде всего упомянем о собственно методических воззрениях Поливанова. Именно ему принадлежит идея того, что ныне называется «учебным комплексом»: такой комплекс (для узбекских школьников) должен был включать букварь, хрестоматию для чтения, русско-узбекский словарик и свод всех идеограмм (фразеологизмов) русского языка с примерами [58а, 26]. Е. Д. Поливанов настаивал на принципиальной необходимости дифференцированных учебников русского языка для разных народностей, подчеркивая, однако, что здесь можно опираться как на генетически близкие языки, так и на общетипологические сходства [22, 53]. Ему принадлежит мысль о необходимости сначала обучать слуховому различению русских звуков, затем их воспроизводству, а лишь затем уже их слышанию и произношению в составе целых слов [22, 58 — и 65].

Очень любопытны (и не потеряли своего значения) соображения Е. Д. Поливанова о необходимости развивать языковое мышление не только на изучаемом втором (русском) языке, но и на родном языке учащихся [17]. В той же работе обосновывается идея дифференциального изложения языковых фактов, что, по мысли Поливанова, «облегчит наблюдение (и в частности самонаблю-

дение) над языковыми явлениями» [17, 115]; это было особенно важно подчеркнуть в 20-е годы, когда в преподавании русского языка в национальных школах и вузах «дифференциальный метод» не использовался. Впрочем, и сейчас он не пользуется популярностью, свидетельство чему — появление и ныне удручающих в сопоставительно-лингвистическом плане учебников русского языка.

Важно и указание Поливанова, что «грамматические обобщения должны или непосредственно выводиться самими учащимися, или сознательно проверяться ими» [17, 118]. Отсюда предложение, чтобы «грамматические понятия и правила вводились бы лишь постольку, поскольку они нужны для практических выводов ... и поскольку сам учащийся сознает эту целевую установку для данного грамматического материала» [17, 119].

Очень существенно обращение Е. Д. Поливанова к коллективным формам работы, в частности — к коллективному переводу с русского на родной язык (с последующим изданием) [117, 121].

Наиболее общая идея Поливанова, на первый взгляд довольно тривиальная, заключается в невозможности построения полноценной методики обучения языку без обращения к данным научного языкознания. Более того: с точки зрения Поливанова, и «для преподавателя русского языка в узбекской школе необходимо не только знание узбекского языка, но и знакомство с лингвистическим освещением узбекских грамматических фактов» [40, 70]. К этому вопросу мы еще вернемся.

Другой важный тезис Поливанова заключается в том, что «звуковосприятие носит субъективный характер, бывая различным для представителей различных языков, причем эта субъективность и эти различия (в восприятии одного и того же звукокомплекса разноязыковыми мышлениями) зависят ... от комплекса языковых навыков, приобретенных каждым данным индивидуумом в процессе усвоения его материнского (родного) языка» [42, 246]. Эта субъективность сказывается прежде всего в том, что представитель того или иного языка «склонен бывает производить привычный для него анализ на свои элементарные фонологические представления (фонемы и т. п.) даже в отношении слышимых им слов (или фраз) чужого языка, т. е. языка с иной системой элементарных фонологических представлений» [там же]. Таким образом, воз-

никает расхождение «между чужеязычным восприятием звукового комплекса и его составом».

Констатируемая Поливановым принципиальная возможность несовпадения структуры восприятия речи и «состава», т. е. языковой структуры текста, имеет значение не только для обучения языку. В голове носителя языка не находится простой «отпечаток» системы языка (как это думал, например, Ф. де-Соссюр); в результате усвоения системы языка у человека формируется то, что можно условно назвать языковой способностью — своего рода психофизиологический механизм, порождающий речь. Лишь результат действия этого механизма (порождаемый им текст) может быть описан с помощью системы языка. Необходимость различать структуру речевого механизма и систему языка до сих пор не до конца осознана не только методистами, но и многими лингвистами. Во всяком случае, лингвистические проблемы обучения языку и двуязычия чаще всего «решаются» путем простого наложения системы одного языка на систему другого языка и анализа несовпадающих фрагментов этих систем.

В последние годы значение системного рассмотрения языковых фактов для обучения языку часто подчеркивалось как в советской лингвистической и методической литературе (ср., например, замечательную работу А. А. Реформатского [88])., так и за рубежом, где в настоящее время выпускается целая серия сопоставительных грамматик английского и других европейских языков, в основу которых положен принцип системности. Е. Д. Поливанов едва ли не первым поставил вопрос в этом плане. Уже в 1924 г. в небольшой заметке «О гортанных согласных в преподавании арабского языка» [9], он обращается к принципу системности, считая весьма желательным, чтобы учащиеся умели не только подражать произношению соответствующих фонем, но и «уяснить ... их взаимные соотношения». Но особенно много внимания уделяется этой стороне вопроса в «Опыте ...» и «Субъективном характере ...».

Принцип субъективности распространяется «не только на качественную характеристику отдельных фонетических представлений (фонем и т. п.), но даже и на число фонем, находимых в данном комплексе (слове)» [42, 236]. Так, русское слово *драма* может быть воспринято японцем только как dorama или durama, *старик*, *сказал* восприни-

маются корейцем как *тарик*, *казал* и т. п. Еще более важно, как влияет на субъективность восприятия различие акустико-артикуляционной структуры слога; это подробно проанализировано в «Субъективном характере...» на примере русских и китайских слогов с номинально одинаковым фонемным составом (губной согласный+гласный). Аналогичный анализ с выделением типов русских слогов, чуждых узбекскому языку, проводится Поливановым в «Грамматике» [33, 23—24]. Много внимания уделяет Поливанов функциональной роли акцентуации в сравниваемых языках [33, 21—22 и 43—47]. Именно анализ путей усвоения чужеязычной акцентуации привел Поливанова к некоторым важным выводам собственно лингвистического характера — в частности, относительно особенности ударения в эрзя-мордовском языке.

Ярче всего выступает системный подход Поливанова к сопоставлению языков в тех случаях, когда наблюдается полное внешнее совпадение номенклатуры звуков. Например, как в русском, так и в узбекском языках есть гласные *о* и *ў*. Однако «возможны бывают ... случаи смешения (т. е. неправильного восприятия — русских звуков *о* и *у*). Например, слово *звук* узбек иногда может записать (под диктовку) как *звок*, и наоборот, вместо русского *о* он может иногда написать *у*. Объясняется это несовпадением критериев звукоразличения между русскими и узбекскими гласными фонемами» [40, 17]. То же мы находим с «мягкими» (полумягкими) согласными в сингармонистических говорах узбекского языка и русском языке: «В русском мягкость согласного — это специфическая черта самого данного звука, в турецких же языках твердость или полумягкость согласных зависят от того, является ли все данное слово задним или передним в сингармонистическом отношении» [33, 28].

Укажем, наконец, на одну интереснейшую мысль Е. Д. Поливанова, абсолютно не получившую распространения ни в современной ему методике, ни позднее и лишь сейчас начинающую занимать достойное место в преподавании языка. Это — мысль о различной функциональной нагрузке системных противопоставлений: так, «„мягкие“ губные являются менее важными в социально-фонологическом отношении, чем прочие парные „мягкие“ русского языка» [40, 36].

Обращаясь к проблемам усвоения грамматической стороны языка, отметим прежде всего, что изучение грамма-

тики не мыслилось Поливановым как самостоятельный, замкнутый в себе курс. В частности, он, опираясь на представление о закономерной связи различных уровней внутри целостной системы языка, требовал «увязки данных морфологических фактов с определенными фонетическими упражнениями: напр., постановку неконечного ударения естественно будет связать с прохождением склонения существительных женского рода и именно таких падежей, как *воды́* и *во́ды*, *ноги́* и *но́ги* и т. д. или же с усвоением формообразования множественного числа на *а* ударенное — напр., *доктор — доктора́, город — города́, войско — войска́* и т. д.» [40, 40—41]. Эти примеры очень ясно показывают, кстати, как Е. Д. Поливанов последовательно стремился подать любое явление изучаемого языка в его функциональном аспекте, о чем мы еще скажем далее.

В основе изучения грамматики, по Поливанову, должно лежать прежде всего осознание учащимися принципиального различия в грамматическом строе изучаемого (русского) и родного языка. «Сопоставив вышеприведенные определения (— узбекского и русского языков):

узбекский: суффиксальный агглютинативный аналитический;

русский: суффиксально-префиксальный флективный синтетический, — мы увидим, что разница тут, т. е. между морфологическими строями обоих языков, имеется действительно очень значительная и принципиальная: можно сказать, что она почти доходит до диаметральной противоположности» [40, 43; см. также 33, 21 и др.]. Здесь, как и в фонологии, Поливанов стремится не просто вскрыть эмпирические различия в грамматике языков, но установить место соответствующих явлений в грамматической системе этих языков.

Анализируя отдельные грамматические категории, Е. Д. Поливанов не только дает им четкую формальную характеристику, но и вскрывает их функциональную значимость, собственно и определяющую с его точки зрения существование этих категорий. Особенно хорошо это видно при освещении им проблемы грамматического рода. «...Узбек..., изучающий русский язык, имеет полное право сказать: „Ведь можно было бы обойтись без понятия грамматического рода, и от этого выиграл бы не только я, изучающий ваш язык, но и любой из вас, русских, говорящих на этом языке, — ибо, говоря на языке

без грамматического рода, можно произнести прилагательное, еще не выбрав того существительного, к которому это прилагательное относится, и значит, в процессе говорения не потребуется тратить энергию на мыслительные процессы, связанные с согласованием по грамм. роду". Это вполне верно, и с утилитарной точки зрения, конечно, нужно было бы предпочесть язык без грамматического рода языку, в котором категория грамматического рода имеется. Не надо только забывать при этом, что в том грамматическом строе, который существует в русском языке (и который мы по необходимости должны изучать таким, как он есть), явления грамматического рода, все-таки, несут на себе известные выразительные функции (другое дело, что эти функции могли бы быть при другом грамматическом строе выполнены иначе и гораздо более выгодно): к ним относится прежде всего указание логических связей между словами (напр., между существительным и определяющим его прилагательным и т. п.) посредством их согласования по грамматическому роду (так как прилагательное ставится в том же грамматическом роде, к которому принадлежит определяемое им существительное). В узбекском же языке (и в тюркских языках вообще) эта связь между словами указывается иначе: посредством строго предусмотренного порядка слов (определение перед определяемым и т. д.). Но вот мы видим, что в русском языке отсутствует этот строго обязательный порядок слов (определение бывает перед определяемым, но может быть и после него), и это обстоятельство стоит в связи именно с тем, что для выражения логического соотношения между словами здесь служит по преимуществу другое средство — уже не обязательный порядок слов, а вышеупомянутое их согласование по грамматическому роду (а также по падежу и числу)» [33, 61].

Ту же мысль в развернутом виде находим в «Опыте», где ей целиком посвящена глава XIII. Здесь Поливанов приходит к выводу, который представляет необычайно большой интерес даже не столько в плане обучения языку, сколько в плане теоретико-лингвистическом. Речь идет о различии системы и нормы в языке, — различии, которое было введено в современную лингвистику Э. Косериу в начале 50-х годов и ныне стало весьма распространенным, если не общепринятым. Если система охватывает, так сказать, языковые инварианты, т. е. то, что в языке не только константно, но и общеобязательно

(нельзя нарушить, например, фонологическое противопоставление), то норма — это не общеобязательные, но общепринятые особенности речи (например, мы говорим *жыр* с «твердым» *ж*, хотя *ж* не имеет парной фонемы, противопоставленной ему по признаку палатальности—непалатальности). Вот это-то различие весьма тонко нащупано Поливановым в области синтаксиса. Кроме того, он детально анализирует и ту дополнительную функциональную нагрузку, которую может нести «свободный» порядок слов в русском языке.

Прежде чем перейти к вопросам, более специфически связанным с методикой, остановимся еще на идее «грамматического словаря» русского языка. Такой словарь (русско-узбекский, на 10 000 основ) был задуман Поливановым как часть цикла пособий, который должен был открываться «грамматикой». Однако он не вышел в свет и неизвестно, существовал ли в рукописи. Судя по отдельным указаниям Поливанова, он был призван дать «полную исчерпывающую кодификацию русского словоизменения (формообразования)» [33, 3], т. е. быть словарем всех словоформ русского языка (в рамках определенной частоты употребления). Этот поливановский замысел, исключительно важный для обучения языку, осуществлен в настоящее время, но не в Советском Союзе, а в ГДР[2].

Возвращаясь к методическим проблемам, надо отметить в первую очередь настоятельное стремление Е. Д. Поливанова к максимальной активизации речи на изучаемом языке с самого начала обучения. Вот яркий пример того, как это стремление преломляется при изложении им методики изучения конкретной грамматической категории — имен существительных: «Я не буду останавливаться на вопросе: с чего начинать преподавание языка — с существительного или глагола? Вопрос этот, по-моему, в значительной мере излишний, праздный вопрос, — поскольку имеется в виду вся совокупность преподавания (а не только систематическое изложение морфологии): дело в том, что практические условия обязывают нас начинать сразу и с того, и с другого. Можно горячо протестовать, напр., против такого изложения материала, какое — для узбекского (не русского, а для узбекского!) языка мы найдем хотя бы, в учебнике узбекского языка

[2] *E. Daum, W. Schenk.* Die russischen Verben. 4. Aufl. Leipzig, 1965.

Граматовича, где автор учебника (или преподаватель) стремится к тому, чтобы на первых уроках избежать хотя бы одной глагольной формы. Чтобы говорить, учащийся должен иметь дело с фразой. А для фразы обычно необходимы и существительное, и глагол» [40, 56—57]. Соответственно в грамматике должны выделяться те моменты, без которых невозможна правильная речь на языке, которые, так сказать, формируют «порождающий механизм» речи; усвоение понятий типа склонения, грамматического рода и основного значения падежа «в сто раз важнее, чем заучивание десятка таблиц суффиксов» [40, 59]. Здесь Поливанов в известной мере подходит к разграничению «активной» и «пассивной» грамматики, предложенному Л. В. Щербой.

Та же характерная для Поливанова тенденция к активизации отразилась в его теоретических курсах узбекской грамматики; бросается в глаза, что на каждое изложенное в них теоретическое положение дается до нескольких десятков тщательно подобранных словоформ — явно с тем, чтобы по возможности обогатить активный запас изучающего язык, а не только сообщить ему известную грамматическую информацию [3].

Интересна мысль Поливанова, что «по возможности надо всячески избегать отягощать преподавание абстрактными синтаксическими схемами . . .: вместо них надлежит пользоваться хорошо продуманным выбором кратких при-

---

[3] Надо, впрочем, заметить, что в практике составления учебников Е. Д. Поливанов не всегда следовал этой своей основной теоретической установке. Так, в созданном им совместно с Л. И. Пальминым и др. букваре «Мак» для узбекских детей (Ташкент, 1925) как раз отбор лексики оказался крайне неудачным. Ташкентская газета «Правда Востока» писала по этому поводу: «Профессор Поливанов составил учебник русского языка для узбекских школ. Слов нет, фонетическая сторона профессорского букваря безукоризненна, но содержание остается прежним. Это то же самое, что знаменитая книжка Вахтерова: те же осины, свиньи, гуси, лен, овины; те же Дарьи, Марьи, Иваны, Миши, Пети, Кости.

Не подходит такая книжка к узбекскому быту. Скверно по такому учебнику преподавать русский язык узбекским мальчуганам. Надо тратить массу времени на объяснения — спрашивают:

— А что такое овин? А что такое Марья? А что такое грибы? (А — Ш. Дело за Госиздатом. «Правда Востока» от 17 июля 1925 г.). Правда, Э. Ш. Абдулина [58а] обнаружила, что как раз лексикой занимались в основном соавторы Поливанова по учебнику.

меров, каждый из которых служил бы обобщением (и следовательно с и м в о л о м) целой категории фраз (или словосочетаний) данного синтаксического состава и данного порядка членов предложения» [40, 52—53]. Например, «формула — пример *читает книгу* может быть символом словосочетаний (или фраз) типа «глагольное сказуемое + прямое дополнение к нему», и сопоставление его с соответствующей (в смысловом отношении) узбекской формулой *китобни ўкийди* может быть... использовано для фиксирования вывода о п р я м о п р о т и в о п о л о ж н о м п о р я д к е с л о в в данных словосочетаниях узбекского и русского языков» [40, 53].

Нет необходимости в наше время особенно подчеркивать «принципиальное различие между з в у к о м (звуком языка, или з в у к о п р е д с т а в л е н и е м = ф о н е м о й) и буквой соответствующей письменности» [40, 1]. Однако в те годы, когда работал Поливанов, это было еще весьма животрепещущей проблемой. Это относится и к последовательному противопоставлению им двух форм существования звука в том или ином языке: как основного (независимого) и как позиционного варианта.

Не в меньшей мере тривиальным стал в настоящее время и тезис о необходимости учета диалектных особенностей речи учащихся. Но мало кто из современных исследователей уделяет этому вопросу столько внимания и дает такое количество конкретных, весьма важных для практики обучения рекомендаций, как Поливанов. В сущности, сопоставляя русскую фонетику с узбекской, он не просто сравнивает две системы, но стремится одновременно выявить все те особенности диалектной речи, которые приближают данный диалект к фонологической системе русского языка или, соответственно, удаляют его от нее. Таким образом, рекомендации Поливанова оказываются полезными для учителя, преподающего русский язык в любом районе Узбекистана. Но и привлекая к сопоставлению данные русского языка, Поливанов подчеркивает его неоднородность и не только стремится уточнить, «какой именно „русский язык“ служит предметом школьного изучения» [33, 5], но и отмечает все те его существенные территориальные и социальные варианты, которые могут представить важность или трудность с точки зрения преподавания. Идя по этому пути, Поливанов приходит к идее, которую несколько позже в гораздо более разработанном виде независимо высказал С. И. Берн-

штейн — идее о методической целесообразности выбора из предоставляемых изучаемым языком вариантов того, который является оптимальным с точки зрения легкости усвоения. Так например, у узбеков, как и у некоторых других национальностей СССР, возможно в речи сочетание *шч*, но отсутствует «мягкое» *ш*. Поэтому Поливанов считает методически целесообразным условно принять за «стандартное» русское произношение фонемы, соответствующей букве *щ*, не «московский» /ш:/, а «ленинградский» литературный вариант /шч'/ [40, 26— 29; 33, 31].

Большой интерес представляет и указание Е. Д. Поливанова на необходимость систематического изучения в школе, в частности в национальной школе, интернациональной терминологии, вошедшей в русский язык, и намеченные им пути этого изучения [42, 67—72]. Эти мысли Поливанова перекликаются с работами Н. В. Юшманова, создавшего свою известную «Грамматику иностранных слов» в подобных же целях.

Укажем, наконец, на решительное мнение Поливанова о ненужности исторической мотивировки в практическом курсе русской грамматики; впрочем, Поливанов тут же оговаривался: «Для преподавателя теоретическое знакомство с исторической грамматикой русского языка я считаю о б я з а т е л ь н ы м» [40, 81].

Уже сказанного достаточно для того, чтобы видеть, как много дают труды Е. Д. Поливанова теории и практике обучения. К сожалению, эти труды были фактически забыты. Нам уже приходилось по ходу изложения замечать, что некоторые идеи Поливанова оказались осуществленными за рубежом. Другие вообще не получили осуществления. Даже ведущая лингвистическая идея Поливанова — идея «субъективности» — до 1968 г. была известна советским исследователям не по русской публикации [22], а по французской статье, опубликованной в «Трудах Пражского лингвистического кружка» тремя годами позже. Да что говорить об общих идеях, если в сравнительно недавно вышедшей статье, посвященной преподаванию русской фонетики японцам [100а], не только нет упоминания о работах Поливанова (что понятно ввиду прагматической направленности сборника в целом), но и вся выдвинутая им проблематика, связанная с усвоением японцами фонетических особенностей русского языка, оказалась неучтенной!

Еще раз возвращаясь к общим проблемам методики, позволим себе высказать мнение, что отсутствие интереса

со стороны большинства наших методистов к этой стороне научного наследия Поливанова отражает общее неблагополучие, сложившееся в отношениях между методикой обучения языку и теоретической лингвистикой. Впрочем, в этом есть вина и самих лингвистов, нередко весьма суженно и ограниченно понимающих задачи, предмет и методы своей науки. «Лингвистика стала оперировать по преимуществу с разными абстракциями, в лучшем случае с отдельными словами и формами, а конкретный живой язык, орудие общения между людьми, остался в конце концов несколько в тени, вне поля научного наблюдения» [96, 98].

ОСНОВНЫЕ ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ Е. Д. ПОЛИВАНОВА *

1. Конспект лекций по введению в языкознание и общей фонетике. — Пг., ч. I, 1916. 87 с. (переиздано: Берлин, 1923 — под названием: Лекции по...).
2. По поводу «звуковых жестов» японского языка (1916). — СОЯ.
3. Процесс грамматикализации. (Глава из общей морфологии). — Наука и просвещение. Ташкент, 1922, № 1, с. 14—16.
4. О принципах построения турецкой грамматики. — Там же, с. 12.
5. Фонетические конвергенции (1923). — ВЯ, 1957, № 3, с. 77—83.
6. О литературном (стандартном) языке современности. — Родной язык в школе, кн. 1, 1927, с. 225—235.
7. Революция и литературные языки Союза ССР (1927). — СОЯ.
8. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928. VI+220 с.
9. Задачи социальной диалектологии русского языка. — Родной язык и литература в трудовой школе. М., 1928, № 2, с. 39—40; № 4—5, с. 68—76.
10. Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса (1928). — СОЯ.
11. Русский язык сегодняшнего дня. — Литература и марксизм, 1928, кн. 4, с. 167—180.
12. Специфические особенности последнего десятилетия 1917—1927 в истории нашей лингвистической мысли (1928). — СОЯ.
13. Круг очередных проблем современной лингвистики (1929). — СОЯ.
14. Грамматика современного китайского языка (совм. с А. И. Ивановым). М., 1930. 304 с.
15. Грамматика японского разговорного языка (совм. с О. В. Плетнером). М., 1930. XXXXV+189 с.
16. За марксистское языкознание. М., 1931. 184 с. (Частично перепечатано в СОЯ). Ст. «Историческое языкознание и языковая политика» перепечатана в кн.: История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960, с. 263—278.
17. Словарь лингвистических терминов (публикация отдельных статей). — ВЯ, 1960, № 4, с. 114—125.

---

* Работы приводятся в последовательности их первой публикации. Те из них, которые были позже переизданы, описываются по переизданиям. Кроме общепринятых, мы используем сокращение СОЯ для изд.: *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М., Наука, 1968. В этом же издании содержится полная библиография работ Поливанова и о нем (с 1957 по 1968 г.).

18. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники. — ВЯ, 1963, № 1, с. 99—112.
19. Мутационные изменения в звуковой истории языка. — СОЯ.
20. Закон перехода количества в качество в процессах историко-фонетической эволюции. — СОЯ.
21. Рецензия на книгу Р. Якобсона. — СОЯ.
22. Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория. — СОЯ.
23. Субъективный характер восприятий звуков языка. — СОЯ.
24. К вопросу о функциях ударения. — В кн.: Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. М., 1971, с. 189—197.
25. О политоническом ударении. — Там же, с. 198—223.
26. Соотношение фонетики и морфологии. — Там же, с. 224—227.

ЛИТЕРАТУРА

В списке литературы описаны все работы, цитированные в тексте — как печатные, так и рукописные. Они приведены в следующем порядке: а) печатные работы Е. Д. Поливанова — в последовательности публикации; б) рукописные работы Е. Д. Поливанова — по алфавиту названий; в) печатные работы других авторов — по алфавиту фамилий; г) рукописные работы и архивные материалы других лиц — по алфавиту фамилий. В случае переиздания ссылки даются на более позднюю публикацию. Внутри авторских сборников отдельные статьи и главы не выделяются.

1. *Поливанов Е. Д.* Сравнительно-исторический очерк японского и рюкюского языков. — ЗВОРАО, т. XXIII, вып. I—II. СПб., 1914.
2. *Поливанов Е. Д.* Музыкальное ударение в говоре Токио. — Изв. ИАН, серия VI, т. IX, 1915, № 15.
3. *Поливанов Е. Д.* Гласные корейского языка. — Восточный сборник, кн. II. Пг., 1916.
4. *Поливанов Е. Д.* Конспект лекций по введению в языкознание и общей фонетике, ч. I. Пг., 1916.
5. *Поливанов Е. Д.* Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. Пг., 1917.
6. *Поливанов Е. Д.* Процесс грамматикализации (Глава из общей морфологии). — Наука и просвещение. Ташкент, 1922, № 1.
7. *Поливанов Е. Д.* Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. Берлин, 1923.
8. *Поливанов Е. Д.* Фонетические особенности касимовского диалекта. М., 1923.
9. *Поливанов Е. Д.* О гортанных согласных в преподавании арабского языка. — Бюллетень САГУ. Ташкент, 1924, № 7.
10. *Поливанов Е. Д.* Введение в изучение узбекского языка, вып. 1. Ташкент, 1925; вып. 2. Ташкент, 1926; вып. 3. Ташкент, 1927.
11. *Поливанов Е. Д.* Краткая классификация грузинских согласных. — Бюллетень САГУ. Ташкент, 1925, № 8.
12. *Поливанов Е. Д.* Краткая грамматика узбекского языка, ч. I—III. Ташкент—Москва, 1926.
13. *Поливанов Е. Д.* Краткий русско-узбекский словарь. Ташкент, 1926.
14. *Поливанов Е. Д.* Этнографическая характеристика узбеков. Вып. 1. Происхождение и наименование узбеков. Ташкент, 1926.
15. *Поливанов Е. Д.* Краткая фонетическая характеристика китайского языка (пекинского говора северно-мандаринского наречия). М., 1927.
16. *Поливанов Е. Д.* О литературном (стандартном) языке современности. — Родной язык в школе, кн. 1, 1927.
17. *Поливанов Е. Д.* Родной язык в национальной партшколе. — Вопросы национального партпросвещения. М., 1927.

18. *Поливанов Е. Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928.
19. *Поливанов Е., Попов-Татива И.* Пособие по китайской транскрипции. М., 1928.
20. *Поливанов Е. Д.* Задачи социальной диалектологии русского языка. — Родной язык и литература в трудовой школе, 1928, № 2, 4—5.
21. *Поливанов Е. Д.* Из хроники современных национальных график СССР (Проект ассирийского алфавита на русской основе). — Революционный Восток, 1928, № 4—5.
22. *Поливанов Е. Д.* Чтение и произношение на уроках русского языка в связи с навыками родного языка. — Вопросы преподавания русского языка в национальной школе взрослых, вып. 2. М., 1928. — Цитаты даются по сокращенному изданию в кн.: Вопросы психолингвистики и преподавание русского языка как иностранного. М., 1971.
23. *Поливанов Е. Д.* Русский язык сегодняшнего дня. — Литература и марксизм, 1928, кн. 4.
24. *Иванов А. И.* и *Поливанов Е. Д.* Грамматика современного китайского языка. М., 1930.
25. *Плетнер О. В.* и *Поливанов Е. Д.* Грамматика японского разговорного языка. М., 1930.
26. *Поливанов Е. Д.* Албанский язык. — Литературная энциклопедия, т. 1. М., 1930.
27. *Поливанов Е. Д.* Аллитерация. — Литературная энциклопедия, т. 1. М., 1930.
28. *Поливанов Е. Д.* За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. М., 1931.
29. *Поливанов Е. Д.* Историко-фонетический очерк японского консонантизма. — Учен. зап. Ин-та языка и литературы РАНИОН. Лингвистическая секция, т. 4. М., 1931.
30. *Поливанов Е. Д.* Корейский язык. — Литературная энциклопедия, т. 5. М., 1931.
31. *Поливанов Е. Д.* Японский язык. — БСЭ, т. 65. М., 1931.
32. *Поливанов Е. Д.* Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. — Труды Хорезмской экспедиции. Ташкент, 1933.
33. *Поливанов Е. Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933.
34. *Поливанов Е. Д.* Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933.
35. *Поливанов Е. Д.* Материалы по грамматике узбекского языка. Вып. 1. Введение. Ташкент, 1935.
36. *Поливанов Е. Д.* Фонетические конвергенции. — ВЯ, 1957, № 3.
37. *Поливанов Е. Д.* Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка. — Проблемы востоковедения, 1960, № 3.
38. *Поливанов Е. Д.* Словарь лингвистических терминов. — ВЯ, 1960, № 4.
39. *Поливанов Е. Д.* Историческое языкознание и языковая политика. — В кн.: История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960.
40. *Поливанов Е. Д.* Очерк частной методики преподавания русского языка, ч. 1. 2-е изд. Ташкент, 1961.
41. *Поливанов Е. Д.* Общий фонетический принцип всякой поэтической техники. — ВЯ, 1963, № 1.

42. *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. — М., 1968.
43. Неизданные работы Е. Д. Поливанова по общей фонетике и фонологии: К вопросу о функциях ударения; О политоническом ударении; Соотношение фонетики и морфологии; Об «аномальных» слогах. — В кн.: Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. М., 1971.
44. *Поливанов Е. Д.* О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других «алтайских» народностей. — В кн.: Проблемы восточного стихосложения. М., 1973.
45. *Поливанов Е. Д.* Исследования по японскому языку. Токио, 1976 (на японском языке).
46. *Поливанов Е. Д.* Рифмология Маяковского. — ИАН ОЛЯ, т. 39, 1980, № 2.
47. *Поливанов Е. Д.* Абхазский аналитический алфавит. — Архив АН СССР (Ленинград).
48. *Поливанов Е. Д.* Главнейшие особенности дунганского языка. — Архив АН Киргизской ССР (Фрунзе).
49. *Поливанов Е. Д.* Еще о критериях единого слова. — Архив АН СССР (Ленинград).
50. *Поливанов Е. Д.* Грамматика дунганского языка. Ч. II. Морфология. — Архив АН Киргизской ССР (Фрунзе).
51. *Поливанов Е. Д.* К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского языка. — Архив АН СССР (Ленинград).
52. *Поливанов Е. Д.* Общелингвистический курс. Первая лекция. — Архив АН Киргизской ССР (Фрунзе).
53. *Поливанов Е. Д.* Письмо Н. П. Архангельскому (март 1936). Копия в личном архиве автора.
54. *Поливанов Е. Д.* Письмо Н. Я. Марру (1924). — Архив АН СССР (Ленинград).
55. *Поливанов Е. Д.* По поводу эмбриональных явлений спнгармонистического характера в айнском языке. — Архив АН ЧССР (Прага).
56. *Поливанов Е. Д.* Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория. — Архив АН СССР (Ленинград).
57. *Поливанов Е. Д.* Словарь лингвистических терминов. — Архив АН СССР (Москва).
58. *Поливанов Е. Д.* Фонологическая система дунганского языка. — Архив АН Киргизской ССР (Фрунзе).
58а. *Абдулина Е. Ш.* Е. Д. Поливанов и теория обучения грамоте (из неопубликованного наследия). — Русский язык в киргизской школе, 1977, № 5.
59. *Аптекарь В. Б.* и *Быховский С. Н.* Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов-языковедов. — (Л.), 1931.
60. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию, т. 2. М., 1963.
61. *Буй Динь Ми, Леонтьев А. А.* Экспериментальное исследование роли языка в перцептивной и мнемической деятельности. — В кн.: Общая и прикладная психолингвистика. М., 1973.
62. *Васильев А. И.* Чему нужно учиться методистам у Е. Д. Поливанова. — Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Самарканд, 1964.

63. *Владимирцов Б. Я.* Турецкие элементы в монгольском языке. — ЗВОРАО, т. XX, вып. II—III. СПб., 1911.
64. *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1929.
65. *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956.
66. *Гак В. Г.* Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1975.
67. *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.
68. *Гордина М. В.* К вопросу о фонеме во вьетнамском языке. — ВЯ, 1959, № 6.
69. *Драгунов А. А.* Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л., 1962.
70. *Драгунов А. А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. М.—Л., 1952.
71. *Дьячков М. В., Леонтьев А. А., Торсуева Е. И.* Язык токписин. М., 1981.
72. *Иванов А. М., Якубинский Л. П.* Очерки по языку. Л.—М., 1932.
73. *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова. — ВЯ, 1957, № 3.
74. *Кечке М.* Позиция в социальной ситуации и психическое развитие ребенка (лонгитюдинальное исследование). Канд. дис. М., 1981.
75. *Климов Г. А.* Типологические исследования в СССР (20—40-е годы). М., 1981.
76. *Коротков Н. Н.* Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968.
77. *Леонтьев А. А.* Возникновение понятия фонемы. — В кн.: Проблемы фонологии и морфонологии. М., 1975.
78. *Леонтьев А. А.* Е. Д. Поливанов и обучение русскому языку в национальной школе. — Русский язык в национальной школе, 1966, № 2.
79. *Леонтьев А. А.* И. А. Бодуэн де Куртенэ и Петербургская школа русской лингвистики. — ВЯ, 1961, № 4.
80. *Леонтьев А. А.* К современному состоянию вопроса об аллитерации в тюркской народной поэзии. — Проблемы восточного стихосложения. М., 1973.
81. *Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965.
82. *Леонтьев А. А.* Язык как социальное явление (К определению объекта языкознания). — ИАН ОЛЯ, т. 35, 1976, № 4.
83. *Марр Н. Я.* Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке. Баку, 1928.
84. *Мещанинов И. И.* Введение в яфетидологию. Л., 1928.
85. *Мухин А. М.* Е. Д. Поливанов и проблема синтаксических единиц. — Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Самарканд, 1964.
86. *Никонов В. А.* Стих и язык. — Проблемы восточного стихосложения. М., 1973.
87. Против буржуазной контрабанды в языкознании. Сборник бригады Института языка и мышления Академии наук СССР. Л., 1932.
88. *Реформатский А. А.* Обучение произношению и фонология. — Филологические науки, 1959, № 2.

89. *Рясинен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
90. *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). М., 1928.
91. *Степанов Ю. С.* Семиологический принцип описания языка. — В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976.
92. *Титов Е. Г.* Современный амхарский язык. М., 1971.
93. *Томашевский Б. В.* Русское стихосложение. Пб., 1923.
94. *Ушаков Д. Н.* Краткое введение в науку о языке. Изд. 5. М., 1922.
95. *Шор Р. О.* Парадоксальная ортодоксальность. — Литература и марксизм, 1929, кн. 2.
96. Из лингвистического наследства Л. В. Щербы. — ВЯ, 1962, № 2.
97. *Щерба Л. В.* О второстепенных членах предложения. — Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1. Л., 1958.
98. *Щерба Л. В.* Очередные проблемы языковедения. — Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
99. *Щерба Л. В.* Фонетические методы. — Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
100. *Щербак А. М.* Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении. — Народы Азии и Африки, 1961, № 2.
100а. *Юстов В. К.* О некоторых вопросах постановки русского произношения в японских группах. — Очерки по методике преподавания русского языка, вып. 1. М., 1962.
101. *Юшманов Н. В.* Амхарский язык. М., 1959.
102. *Якубинский Л. П.* О диалогической речи. — Русская речь, I. Пг., 1921.
103. *Якубинский Л. П.* Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики. — Языковедение и материализм, II. М.—Л., 1931.
104. *Sjoberg A. F.* Uzbek structural grammar. Bloomington — The Hague, 1963.
105. *Tésniere L.* Elements de syntaxe structurale. Paris, 1959.
106. *Wurm S. A.* New Guinea Highlands Pidgin. Canberra, 1971.
107. *Умняков И. И.* Воспоминания о Поливанове Е. Д. В личном архиве автора.
108. *Щерба Л. В.* Фонетические методы. — Архив Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ (Ленинград).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ Е. Д. ПОЛИВАНОВА И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ 6

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЗГЛЯДЫ Е. Д. ПОЛИВАНОВА НА СУЩНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА И НА МЕТОДОЛОГИЮ ЯЗЫКОЗНАНИЯ 16

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ Е. Д. ПОЛИВАНОВА 31

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Е. Д. ПОЛИВАНОВ И ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ 46

ГЛАВА ПЯТАЯ

Е. Д. ПОЛИВАНОВ И ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ 57

ОСНОВНЫЕ ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ Е. Д. ПОЛИВАНОВА 69

ЛИТЕРАТУРА 71

Алексей Алексеевич Леонтьев

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОЛИВАНОВ И ЕГО ВКЛАД В ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *Г. Н. Корозо*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Л. И. Куприянова*
Корректоры *Н. М. Вселюбская, В. С. Федечкина*

ИБ № 26769

Сдано в набор 13.06.83
Подписано к печати 14.11.83
Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 4,3. Усл. кр.-отт. 4,4.
Тираж 2900 экз. Тип. зак. 487. Цена 45 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

готовятся к печати:

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика.

40 л.

Монография представляет собой фундаментальное исследование фонетики тюркских языков, выполненное в сравнительно-историческом плане. В ней дается научно обоснованная реконструкция тюркского праязыка на фонологическом уровне и прослеживается его эволюция в современных и древних языках.

ВАРБОТ Ж. Ж.

Праславянская морфонология, словообразование и этимология.

19 л.

В монографии рассматриваются проблемы праславянской морфонологии и славянского словообразования. Даны обоснованные заключения о морфонологических и словообразовательных характеристиках праславянской лексики, ее позднейших преобразованиях и возможностях реконструкции. Предлагается ряд новых интересных этимологических решений.

ВИНОГРАДОВА В. Н.

Стилистический аспект русского словообразования.

14 л.

В монографии рассматриваются стилистические средства словообразования современного русского языка. Исследуя их, автор выделяет характерные словообразовательные средства книжной, разговорной и художественной («авторской») речи.

Онтология языка как общественного явления.

20 л.

В монографии освещается общественная природа языка, определяется его место среди других общественных явлений и роль в формировании социальной сущности человека. Разработана проблема влияния современной НТР на развитие естественного языка и расширение сфер его функционирования, а также проблема развития искусственных языков в связи с потребностями развития науки и техники и их взаимодействия с естественными языками.

Проблемы лексикографического анализа языка произведений В. И. Ленина.

20 л.

В сборнике рассматриваются лексикографические проблемы применительно к составлению Словаря языка В. И. Ленина: проблемы терминологии, синонимии, полисемии, словообразования. Ряд статей посвящен специальным вопросам лексикографии — дефинициям, пояснениям, цитации, отсылочным определениям.

Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край

32 л.

Книга содержит впервые публикуемые памятники русского языка XVII в., связанные с основной территорией древней Северо-Восточной Руси, лингвистическая культура которой играла главенствующую роль в истории языка великорусской народности и повлияла на образование русского национального языка.

МЕЩАНИНОВ И. И.

Номинативные и эргативные предложения. Типологическое сопоставление структур.

20 л.

Монография академика Мещанинова И. И. посвящена рассмотрению вопросов, связанных со строем предложения. Детальный анализ эргативной и номинативной структур предложения сопровождается широкими теоретическими обобщениями. Иллюстративный материал привлечен из языков различных семей: индоевропейской, кавказской, тюркской, финно-угорской, палеоазиатской. Ранее этот труд не публиковался.

вышли из печати:

Вести-Куранты. 1648—1650 гг.

28 л.

Книга продолжает издание рукописных материалов, которые предшествовали появлению в России печатных газет. В ней представлены переводы западно-европейских газет, в которых содержатся сообщения о событиях политической, экономической и культурной жизни, военных действиях в странах Западной Европы и Азии, о содержании мирных договоров между европейскими государствами и др.

Язык в развитом социалистическом обществе: Социолингвистические проблемы функционирования системы массовой коммуникации в СССР

15 л.

Монография посвящена вопросам функционального и внутриструктурного развития литературных языков народов СССР в связи с их применением в сферах массовой коммуникации. Исследуются общие методологические и теоретические вопросы. В свете поставленных задач анализируется язык телевидения и кино.

Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях наук союзных республик.

20 л.

Сборник содержит материалы Всесоюзного семинара, организованного Академией наук СССР в марте 1981 г. Рассматривается широкий круг теоретических проблем, связанных с решением вопросов разработки и упорядочения национальных терминологий, создания терминологических словарей.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

117192 **Москва**, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»

ИЛИ В БЛИЖАЙШИЙ МАГАЗИН «АКАДЕМКНИГА»

45 коп.